

СМАЛЬТА

Международный научно-практический
и методический журнал

№ 3, 2018

Андронникова Ольга Олеговна
главный редактор,
кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета психологии, профессор

Редакционная коллегия

Шпехт М. В. – зам. главного редактора, рук-ль Центра практической психологии факультета психологии (Новосибирск, Россия);
Курилова А. А. – д-р эконом. наук, проф. (Тольятти, Россия)
Васильчук О. И. – д-р эконом. наук, проф. (Тольятти, Россия)
Дмитриева Н. В. – д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия)
Васильев Ф. П. – д-р юрид. наук, проф., доц. член РАЮН (Москва, Россия)
Ивонин Ю. П. – д-р философ. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
Тендрякова М. В. – канд. истор. наук, доц., ст. науч. сотrud. РАН (Москва, Россия)
Хох И. Р. – канд. психол. наук, доц. (Уфа, Россия)
Сычева Т. Ю. – канд. пед. наук, доц. (Новосибирск, Россия)
Вьюшкова Л. Н. – канд. пед. наук, доц. (Новосибирск, Россия)
Савина Т. В. – канд. филол. наук, доц. (Новосибирск, Россия)
Стегней М. И. – канд. эконом. наук, доц. (Киев, Украина)
Иванченко Н.А. – канд. эконом. наук, доц. (Киев, Украина)
Bednarek – проф. пед. наук, д-р наук, (Варшава, Польша)
Zakrzewski – канд. пед. наук (Подляска, Польша)
Bąkiewicz M. – канд. наук (Варшава, Польша)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ РАЗРАБОТКИ

Андронникова О. О., Балацкая Н. Я. Исследования копинг-механизмов и реакции на болезнь у женщин с онкологическим диагнозом	5
Буравцова Н. В., Сычева Т. Ю. Взаимосвязь детско-родительских отношений с тревогой и суицидальным риском у подростков	12
Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Прюс Ф. Социально-биологические факторы суицидального риска подростков	16
Малова И. А., Сычев К. Д. Взаимосвязь агрессивного поведения с уровнем социально-психологической адаптации	24
Терешина А. Л. Особенности взаимосвязи рефлексивных процессов и организации временной перспективы личности с выраженностью чрезмерного использования телефона с выходом в интернет	29
Шпехт М. В., Сарсембаева Э. Ю. Теоретические аспекты вопроса о профессиональной деформации личности	34

ПУБЛИКАЦИИ НАЧИНАЮЩИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Бирюкова О. А. Особенности коррекционной психолого-педагогической помощи детям с задержкой психического развития в условиях инклюзивного образования	42
--	----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Требования к оформлению материалов	47
--	----

Журнал основан в 2014 г.
Выходит 4 раза в год
Электронная верстка И. Т. Ильюк
Редактор
Адрес редакции:
630126, г. Новосибирск,
ул. Вилнойская, 28, т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 4,3. Уч.-изд. л. 4,0.
Тираж 600 экз. Заказ № 51.
Формат 70×108/16.
Цена свободная
Подписано в печать 29.05.2019
Отпечатано в Издательстве НГПУ

Andronnikova Olga Olegovna
Editor-in-chief,
Cand. of Psychology Sciences,
Associate Professor,

Редакционная коллегия

Shpekht M. V. – Assistant Editor-in-chief, Head of the Center for Practical Psychology of faculty of psychology (Novosibirsk, Russia);
Kurilova A. A. – Dr. of Economics, Professor, (Togliatti, Russia)
Vasilchuk O. I. – Dr. of Economics, Professor, (Togliatti, Russia)
Dmitrieva- N. V. – Dr. of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
Vasiliev F. P. – Dr. of Law, Assistant Professor (Moscow, Russia)
Ivonin Y. P. – Dr. of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia)
Tendryakova M. V. – PhD in History, Associate Professor RAS (Moscow, Russia)
Hoch I. R. – PhD in Psychology (Ufa, Russia)
Sycheva T. Yu. – PhD in Pedagogy, Associate Professor (Novosibirsk, Russia)
Vyushkova L. N. – PhD in Pedagogy, Associate Professor (Novosibirsk, Russia)
Savina T. V. – PhD in Philology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia)
Stegney M. I. – PhD in Economics, Associate Professor (Kiev, Ukraine)
Ivanchenko N. A. – PhD in Economics, Associate Professor (Kiev, Ukraine)
Bednarek J. – Dr. of Pedagogy, Professor (Warsaw, Poland)
Zakrzewski L. – PhD in Pedagogy (Podlaska, Poland)
Bąkiewicz M. – PhD in Economics (Warsaw, Poland)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included in the Russian Scientific Citation Index

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH AND INNOVATION

Andronnikova O. O., Balatskaya N. Ya. Studies of coping mechanisms and responses to illnesses in women with oncological diagnosis.....	5
Buravtsova N. V., Sycheva T. Yu. Relationship of child-parental relations with anxiety and suicidal risk of adolescents.....	12
Malova I. A., Sychev K. D. Relationship of aggressive behavior with the level of social and psychological adaptation.....	16
Dmitrieva N. V., Perevozkin S. B., Perevozkina Yu. M., Pruess F. Socio-biological factors of suicidal risk of adolescents.....	24
Tereshina A. L. Peculiarities of interrelation between reflexive processes and organization of personality's time perspective inventory with abusephone with internet access.....	29
Shpecht M. V., Sarsembayeva E. Theoretical aspects of the question of professional deformation of personality.....	34

PUBLICATIONS BEGINNERS

Biryukova O. A. Peculiarities of correctional psychological and pedagogical assistance to children with a delay of mental development in the conditions of inclusive education.....	42
--	----

INFORMATION FOR AUTHORS

About Journal	47
----------------------------	----

The journal is based in 2014 Leaves 4 yearly Electronic make-up operator I. T. Iliuk Editor Editors address: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. (383) 244-06-62	Printing digital. Offset paper Printer's sheets: 4,3. Publisher's sheets: 4,0. Circulation 600 issues Order № 51. Format 70×108/16 Signed for printing 29.05.2019
---	---

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ РАЗРАБОТКИ

УДК 159.9.

Андронникова Ольга Олеговна

*канд. психол. наук, доцент, декан факультета психологии, профессор кафедры
практической и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия, andronnikova_69@mail.ru*

Балацкая Наталья Яковлевна

*психолог отделения паллиативной помощи Государственного бюджетного
учреждения здравоохранения Новосибирской области «Новосибирская районная
больница № 1» (ГБУЗ НРБ) №1, г. Новосибирск, Россия, yalom27@yandex.ru*

ИССЛЕДОВАНИЯ КОПИНГ-МЕХАНИЗМОВ И РЕАКЦИИ НА БОЛЕЗНЬ У ЖЕНЩИН С ОНКОЛОГИЧЕСКИМ ДИАГНОЗОМ

Andronnikova Olga Olegovna

*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, the Dean of the faculty
of psychology, Professor of the Department of Practical and Special Psychology,
Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
andronnikova_69@mail.ru*

Balatskaya Natalia Yakovlevna

*psychologist of the palliative care department of the State Budgetary Institution
of Healthcare of the Novosibirsk Region «Novosibirsk Regional Hospital No. 1»
(GBUZ NRB) N 1, Novosibirsk, Russia, yalom27@yandex.ru*

STUDIES OF COPING MECHANISMS AND RESPONSES TO ILLNESSES IN WOMEN WITH ONCOLOGICAL DIAGNOSIS

Аннотация. В данной статье представлен анализ специфики использования копинг-механизмов при разных типах реакции на болезнь у женщин с онкологическим диагнозом. Проведён анализ понятия копинг, его когнитивные эмоциональные и поведенческие составляющие. Рассматриваются продуктивные и непродуктивные формы копинга. Выявлено что большинство женщин с онкологическим диагнозом демонстрируют неэффективные копинг механизмы. При наличии сензитивно-меланхолического типа реагирования на болезнь ведущими механизмами выступают поиск социальной поддержки, дистанцирование, бегство-избегание, конфронтация. Подобные сочетания типа реакции на болезнь и ведущих копинг механизмов опосредует неблагоприятный прогноз развития болезни и требует коррекционного вмешательства.

Ключевые слова: копинг-механизмы, типы реагирования на болезнь, онкологический диагноз.

Abstract. This article presents an analysis of the specifics of using coping mechanisms for different types of reaction to the disease in women with oncological diagnosis. The analysis of the concept of coping strategies, its cognitive, emotional and behavioral

components. The productive and unproductive forms of coping strategies are considered. It was revealed that the majority of women with oncologic diagnosis demonstrate ineffective coping mechanisms. In the presence of a sensitive-melancholic type of response to the disease, the leading mechanisms are the search for social support, distancing, avoidance, confrontation. This combination of the type of reaction to the disease and the coping mechanisms mediates an unfavorable prognosis for the development of the disease and requires corrective intervention.

Keywords: coping mechanisms, types of disease response, oncological diagnosis.

Одной из важных социально-психологических проблем в онкологической клинике является реакция на болезнь. Тяжелые хронические заболевания, в том числе и онкологические, вызывают у большинства больных хронический психологический стресс, от специфики и протекания которого зачастую зависит процесс лечения и реабилитации.

Многими отечественными и зарубежными исследователями реакция на стресс рассматривается как соотношение между условиями среды и имеющимися ресурсами для ответа на эти условия у личности [19, 20]. Качество данных отношений определяется когнитивными процессами оценки, возникающими в результате сопоставления оценки опасности сложившейся ситуации для организма (первичной) и оценки достаточности собственных ресурсов для преодоления ситуации (вторичной). Исходя из результата оценки у человека формируется какой-либо способ совладания с ней. Таким образом возникают привычные способы реагирования на опасность, выступающие как устойчивые паттерны адапционных реакций, называемые копинг-стратегиями или личностными стилями реагирования [5].

Копинг стратегии или копинг (англ. coping, copingstrategy) – это действия человека, направленные на то, чтобы справиться (англ. to copewith) с возникшим стрессом. Понятие «копинг» объединяет когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, используемые для совладания с запросами обыденной жизни. В русской психологической школе Ф.Е. Василюком [5] разработано понятие «переживание», которое достаточно обширно используется для описания явления. В психологической литературе термин «копинг» впервые появился в 1962 году в контексте описания типологии механизмов преодоления кризисов развития детьми Л. Мэрфи. Р. Лазарус в 1966 году в своей книге «Psychological Stress and Coping Process» («Психологический стресс и процесс совладания с ним») использует понятие копинга в описании осознанных стратегий совладания с ситуацией стресса и иными событиями, порождающими тревогу [7, 8].

В современной психологии копинг рассматривается как непрерывно повторяющиеся вариативные попытки справиться с возникающими ситуациями, оцениваемыми объективно или субъективно как чрезмерные или превышающие ресурсы человека [4]. Ф.Е. Василюк, Е.П. Ильин, Б.Д. Карвасарский, рассматривая явление копинга подчеркивают, что это процесс динамичный, перманентно трансформирующийся, опосредованный непрерывной изменчивостью и взаимовлиянием во взаимодействии личности и среды [5, 9, 10].

Таким образом копинг рассматривается как индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями. Психологическая суть копинга заключается в том, чтобы возникла возможность эффективной адаптации человека исходя из конкретной ситуации, позволяющая овладеть ситуацией, смягчить

или ослабить ее воздействие, избежать последствий или компенсировать стрессовое воздействие. Исходя из вышесказанного главной задачей копинга выступает обеспечение и поддержание физического и психического здоровья человека, его психологического благополучия, удовлетворенности социальными отношениями [3, 13, 14].

Анализ основных подходов к исследованию вопросов копинг-поведения достаточно много внимания уделяют эффективности стратегий преодоления стрессовых состояний. Многие авторы отмечают что копинг-стратегии могут быть как продуктивными, функциональными, так и непродуктивными, дисфункциональными. Однако существует подход, в рамках которого копинг всегда рассматривается с точки зрения полезности, как «адаптивные действия, целенаправленные и потенциально осознанные» [2, с. 17].

Альтернативная точка зрения рассматривает продуктивность копинга исходя из от двух факторов: ответной реакции и контекста, в котором эта стратегия реализуется [11, 12]. Исходя из положения, что копинг выступает динамическим процессом, включающим постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие попытки управления внутренними и (или) внешними требованиями, оценивающимися как напрягающие или превышающие ресурсы личности.

Рассматривая вопросы реакции личности на такую стрессовую ситуацию как тяжелое заболевание, необходимо особое внимание уделить копинг реакциям в контексте совладания с ней.

Рассмотрение копинг-стратегий в контексте возникновения и развития онкологических заболеваний выступает актуальным вопросом психоонкологических исследований. В современных исследованиях [1, 6, 17, 18 и др.] отмечают значимость реагирования личности на болезнь и используемых копинг-стратегий как предикторов ее течения и исхода. У онкологических больных наблюдается тройное усиление стрессового фактора: психотравматизация вследствие самой онкологической болезни, страх хирургической операции и возможного летального ее исхода, неизбежные дефекты после такой операции [15].

Диагностика, распознавание копинг-механизмов дает возможность выстроить адекватную психокоррекцию и психотерапию как для пациента, так и для его родных и близких. Предполагая, что пациенты с онкологическими заболеваниями имеют в большинстве своем одни и те же копинг-механизмы, есть возможность разработать программу профилактики для женщин с риском заболевания раком, для усиления положительных копинг-механизмов, тренинги, направленные на преодоление стрессовых ситуаций [16].

Таким образом, была сформулирована цель данного исследования, заключающаяся в выявлении ведущих копинг-механизмов и типов реакций на болезнь у женщин с онкологическими заболеваниями. Основой выступило предположение, что у женщин с онкологическим диагнозом будут преобладать неадаптивные копинг-механизмы и реакции на болезнь.

Исследование проводилось на базе ГБУЗ НСО «НРБ №1» отделения паллиативной помощи онкологическим больным. Число испытуемых составило 15 человек, женщины, от 42 до 67 лет.

Эмпирические методы включали тестирование (опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса; методика ТОБОЛ, диагностика типов отношения к болезни) и анкетирование. Статистическая обработка проводилась с использованием пакета программ STATISTICA-7.

Результаты исследования ведущих копинг-механизмов у женщин с онкологическим диагнозом методикой Р. Лазуруса представлены в таблице 1.

Таблица 1

Данные статистической достоверности опросника «Копинг-стратегии» Р. Лазуруса

Стратегия поведения	Критерий достоверности χ^2	p
Конфронтация	1,25	*
Дистанцирование	3,41	*
Самоконтроль	0	нд
Поиск соц.поддержки	5,21	*
Принятие ответственности	0	нд
Бегство-избегание	2,17	*
Планирование решения проблем	0,1	нд
Положительная переоценка	0,1	нд

* $p > 0,5$ (средний уровень достоверности данных).

Из представленной таблицы видно, что такие механизмы копинг-стратегий как планирование, решения проблем, положительная переоценка, самоконтроль, принятие ответственности редко используются испытуемыми. Достоверно как максимально часто используемые выступили механизмы: поиск социальной поддержки, дистанцирование, бегство-избегание, конфронтация. Такой набор ведущих механизмов говорит о поиске социальной поддержки, закреплению у женщин с онкологическим диагнозом ориентации на использование внешних ресурсов, зависимость от окружающих, потребность в безусловной опеке и поддержке, отказ от принятия ответственности за преодоление жизненных трудностей.

Результаты исследования типов реакций на болезнь у женщин с онкологическим диагнозом представлены в таблице 2.

Таблица 2

Данные достоверности ведущих типов отношения к болезни по тест-опроснику «Типов отношения к болезни» ТОБОЛ

Тип отношения	Критерий достоверности χ^2	p
Гармоничный	2,16	**
Эргопатический	3,83	*
Анозогнозический	2,67	*
Тревожный	1,61	**
Ипохондрический	3,15	*
Неврастенический	1,01	***
Меланхолический	2,01	*
Апатический	1,89	*
Сенситивный	1,65	**
Эгоцентрический	1,11	***
Паранойяльный	2,34	*
Дисфорический	1,09	***

Где * $p < 0,001$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,05$

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что может быть представлен практически любой тип реагирования на болезнь, однако в данной выборке максимально часто диагностируется смешанный тип отношения к болезни (СМ): сенситивный (С) – 32 и меланхолический (М) – 27,5. Интерпретация данного типа реагирования позволяет сделать вывод, что больные чувствуют себя уязвимо, ранимы, боятся произвести неблагоприятное впечатление на окружающих сведениями о болезни и последующей изоляции. Страх и депрессивные настроения часто сопутствуют неверию в успех лечения, даже при удовлетворительном самочувствии и благоприятных объективных данных. Наблюдаются выраженные дисфорические реакции, касающиеся в первую очередь настроения, отношения к лечению, отношения к медицинскому персоналу, к будущему.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**.

В структуре совладающего со стрессом поведения у женщин с онкологическим диагнозом преобладали неадаптивные копинг-механизмы: конфронтация, дистанцирование и бегство-избегание. Поиск социальной поддержки в данном случае превращается в нежелание искать внутренние ресурсы и полную ориентацию на использование внешних ресурсов, отказ от принятия ответственности за преодоление жизненных трудностей.

Как максимально частый у женщин с онкологическим диагнозом встречается смешанный тип реагирования: сенситивно-меланхолический.

Расширение репертуара проблемно- и эмоционально-фокусированных копинг-стратегий у женщин с онкологическим диагнозом, повышение адаптивности стратегий совладания с актуальными трудностями являются важными задачами психологической работы с данным контингентом пациентов.

Список литературы

1. *Абросимов И.Н.* Внутренняя картина болезни и совладающее поведение у взрослых пациентов с муковисцидозом: дисс... канд. психол. наук. М.: 2016. 198 с.
2. *Бажин Е. Ф., Гнездилов А. В.* Психогенные реакций у онкологических больных // Методические рекомендации, под ред. проф. М. М. Кабанова и член-корр. АМН СССР, проф. Н.П. Напалкова. Ленинград, 1990. 33 с.
3. *Берг А. С., Меган П. С., Deviney П. П.* Социально-контекстуальная модель справляется с житейскими проблемами на протяжении всей жизни // Международный журнал поведенческого развития, 1998. N 22 (2). С. 231–237.
4. *Бодров В. А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. –М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
5. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
6. *Володин Б. Ю.* Психосоматическое взаимоотношение и психотерапевтическая коррекция у больных раком молочной железы и опухолевой патологией тела матки : дисс. ... доктора мед. наук. М.: 2008. 249 с.
7. *Грановская Р. М., Никольская И. М.* Психологическая защита у детей. СПб: Речь, 2000. – 507 с.
8. *Зинченко В.* Большой психологический словарь. М.: АСТ-Москва, 2008. 868 с.
9. *Ильин Е. П.* Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004. 700 с.
10. *Карвасарский Б. Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер Ком, 1999. 752 с.
11. *Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских*

психологов / под редакцией Вассермана Л.И. СПб.: типография НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009. 38 с.

12. *Нартова-Бочавер С. К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал, 1997. Т. 18, N 5. С. 20–30.

13. *Николаева В. В.* Влияние хронической болезни на психику: Психологическое исследование. М.: МГУ, 1987. 168 с.

14. *Рассказова Е. И., Гордеева Т. О.* Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования, 2011. N 3. С. 17–25.

15. *Русина Н. А.* Адаптационные ресурсы онкологических больных // Профилактическая и клиническая медицина, 2011. Т. II (39). № 2. С. 283–285.

16. *Сирота Н. А., Ялтонский В. М.* Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обзорение психиатрии и мед. психологии им. В.М. Бехтерева, 1994. N 1. С. 63–74.

17. *Урванцев Л. П.* Психология соматического больного. М.: Институт психологии РАН; Институт Открытое общество; Ярославль: ЯрГУ. 2000. 167 с.

18. *Чулкова В. А., Моисеенко В. М.* Психологические проблемы в онкологии // Практическая Онкология, 2009. Т. 10. N 3. С. 151–157.

19. *Gaillard A. W.* Comparing the concepts of mental load and stress // Ergonomics, 1993. Vol. 36. N 9. P. 991–1005.

20. *Hancock P. A.* A dynamic model of stress and sustained attention // Human Factors, 1989. Vol. 31. N 5. P. 519–537.

References

1. *Abrosimov I. N.* Vnutrennyaya kartina bolezni I sovladayushhee povedenie u vzrosly`xpacientov s mukoviscidozom: diss.... kand. psixol. nauk. M., 2016. 198 p.

2. *Bazhin, E. F., Gnezdilov A. V.* Psixogenny`e reakcii u onkologicheskix bol`ny`x // Metodicheskie rekomendacii; pod red. prof. M.M. Kabanovaichlen – korr. AMN SSSR, prof. N. P. Napalkova. Leningrad, 1990. 33 p.

3. *Berg A. S., Megan P. S., Deviney P. P.* Social`no-kontekstual`naya model` spravlyaetsya s zhitejskimi problemami na protyazhenii vsej zhizni // Mezhdunarodny` jzhurnal povedencheskogo razvitiya, 1998. N 22 (2), P. 231–237

4. *Bodrov V. A.* Psixologicheskij stress: razvitieipreodolenie. M.: PER SE`, 2006. 528 p.

5. *Vasilyuk F. E.* Psixologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskix situacij. M.: Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta, 1984. 200 p.

6. *Volodin B. Y.* Psixosomaticheskoe vzaimootnosheniya I psixoterapevticheskaya korekciya u bol`ny`x rakom molochnoj zhelezy` I opuxolevoj patologiej tela matki : diss. ... doktora med. nauk. M., 2008. 249 p.

7. *Granovskaya R. M., Nikol`skaya I.M.* Psixologicheskayazashhita u detej. SPb: Rech', 2000. 507 p.

8. *Zinchenko V.* Bol`shoj psixologicheskij slovar`. AST-Moskva. 2008. 868 p.

9. *Il`in E. P.* Psixologiya individual`ny`x razlichij. SPb.: Piter. 2004. 700 p.

10. *Karvasarskij B. D.* Psixoterapevticheskaya e`nciklopediya. SPb.: PiterKom, 1999. 752 p.

11. *Metodika dlya psixologicheskoy diagnostiki sposobov sovladaniya so stressovy`mi I problemny`mi dlya lichnosti situacijami. Posobie dlya vrachej I medicinskix psixologov / Pod redakciej Vassermana L.I. SPb.: tipografiya NIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2009. 38 p.*

12. *Nartova-Bochaver S. K.* «Coping behavior» v sisteme ponyatij psixologii lichnosti // Psixol. zhurn. 1997. Т. 18, N 5. P. 20–30.

13. *Nikolaeva V. V.* Vliyanie xronicheskoy bolezni na psixiku: Psixologicheskoe issledovanie. M.: MGU, 1987. 168 p.

14. *Rasskazova E. I., Gordeeva T. O.* Koping-strategii v psixologii stressa: podxody`, metody` iperspektivy`. // Psixologicheskije issledovaniya. 2011. N 3. P. 17–25.

-
15. *Rusina N. A.* Adaptacionny`e resursy` onkologicheskix bol`ny`x // Profilakticheskaya I klinicheskaya medicina. 2011. T. II (39). № 2. P. 283–285.
  16. *Sirota N. A., Yaltonskij V. M.* Koping-povedenie I psixoprofilaktika psixosocial`ny`x rasstrojstv u podroستkov // Obozrenie psixiatrii i med. Psixologii im. V.M. Bextereva. 1994. N 1. P. C. 63–74.
  17. *Urvancev L. P.* Psixologiya somaticheskogo bol`nogo. M.: Institut psixologii RAN; Institut Otkry`toe obshhestvo; Yaroslavl` :YarGU. 2000. 167 p.
  18. *Chulkova V. A., Moiseenko V. M.* Psixologicheskie problemy` v onkologii // Prakticheskaya Onkologiya. 2009. T. 10. N 3. P. 151–157.
  19. *Gaillard A. W.* Comparing the concepts of mental load and stress // Ergonomics, 1993. Vol. 36. N 9. P. 991–1005.
  20. *Hancock P. A.* A dynamic model of stress and sustained attention // Human Factors, 1989. Vol. 31. N 5. P. 519–537.

Буравцова Наталия Владимировна

канд. психол. наук, доцент кафедры практической и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета, доцент кафедры психологии, педагогики и правопедения Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, burawzov@sibmail.ru

Сычева Татьяна Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета, доцент кафедры психологии, педагогики и правопедения Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, tatyasiaa1@mail.ru

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
С ТРЕВОГОЙ И СУИЦИДАЛЬНЫМ РИСКОМ У ПОДРОСТКОВ**

Buravtsova Natalia Vladimirovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, burawzov@sibmail.ru

Sycheva Tatyana Yur'yevna

candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of psychiatry, narcology, psychotherapy and clinical psychology of Novosibirsk state medical University, associate Professor of psychology, pedagogy and law of Novosibirsk state University of Economics and management, Novosibirsk, tatyasiaa1@mail.ru

**RELATIONSHIP OF CHILD-PARENTAL RELATIONS WITH
ANXIETY AND SUICIDAL RISK OF ADOLESCENTS**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимосвязи детско-родительских отношений с показателями тревоги и суицидального риска подростков. На выборке в 58 человек доказано, что авторитарность со стороны родителей, враждебное отношение, а также строгость и тотальный контроль влияют на повышение тревоги и суицидального риска подростков, отображают принижение потребностей ребёнка, унижение и ограничение свободы его личности.

Ключевые слова: суицидальное поведение, суицидальный риск, детско-родительские отношения, тревога, подростки.

Abstract. The article discusses the features of the relationship of parent-child relationships with indicators of anxiety and suicidal risk of adolescents. On a sample of 58 people, it is proved that authoritarianism on the part of parents, hostile attitudes, as well as severity and total control influence the increase in anxiety and suicidal risk of adolescents, reflect the depreciation of the child's needs, humiliation and restriction of the freedom of his personality.

Keywords: suicidal behavior, suicidal risk, child-parent relationship, anxiety, teenagers.

В настоящее время особое значение придаётся проблеме суицидального поведения, так как самоубийства занимают третье место в классификации причин смертности населения, уступая лишь онкологическим заболеваниям и болезням сердечно-сосудистой системы [4]. По данным Всемирной организации здравоохранения [4] около 20% самоубийств в мире совершаются подростками и людьми юношеского возраста, а число попыток самоубийств превышает это значение в несколько раз.

В России, за последние 5 лет, частота самоубийств составила 20 случаев на 100 тысяч подростков. Средний же показатель в мире – 7 случаев на 100 тысяч [4]. Этот факт ставит нашу страну на одно из первых мест в списке стран со склонностью подростков к суицидальному поведению.

Важно отметить, что явление подросткового суицида складывается из многих факторов и поэтому период подросткового возраста в психологии характеризуется как кризисный период [3].

Подростки, как правило, более восприимчивы к изменениям в привычной для них среде, чем представители иных возрастных групп и смена привычного стиля жизни в основных сферах жизни может спровоцировать смену поведения подростка: делинквентное и аддиктивное поведение, суицид [2]. Одной из таких сфер является семья. Семья представляет собой первую область получения социализации, материального обеспечения, эмоциональной близости и поддержки (либо её недостаточности), поэтому отношения в семье становятся одним из факторов риска развития суицидального поведения подростков [1].

Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязи детско-родительских отношений и появлений тревоги и суицидальных реакций у подростков.

В исследовании приняли участие 58 человек (30 юношей и 26 девушек) учащихся 10 и 11 класса МБОУ Мошковская СОШ №1 п. Мошково Новосибирской области. Средний возраст респондентов $16,3 \pm 1,7$ лет.

Все испытуемые заполнили опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Е. Шафера (в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной), опросник «Самооценка психических состояний личности» Г. Айзенка, а также «Опросник суицидального риска» (модификация Т.Н. Разуваевой).

Среди обследуемых подростков выявлен высокий уровень позитивного отношения отца (53,33%) и матери (60%) к юношам, что расценивается как стремление к пониманию и принятию личности своего сына, достижению авторитета в его глазах, отсутствию жёстких видов наказания и дружественному общению.

Выявлены высокие показатели директивного отношения отца к сыновьям (40%), а матерей к дочерям (38,46%). Директивность отцов характеризуется тенденциями к лидерству и авторитарностью по отношению к сыновьям, управлении их поведением и повышенным контролем. Директивность матерей выражается в тенденциях к контролю жизни дочерей, наставлениям и строгим наказаниям за проступки.

Показатели враждебности отца выше у юношей (46,67%), а враждебности матери у девушек (30,77%), что характеризуется дистанцированием от ребенка, попыткой воспитывать в строгости и ожидании оценки своего воспитания со стороны окружающих.

У девушек выявлены высокие показатели Автономии отца (38,46%) и матери (46,15%). Отец описывается как недостижимый лидер, которого не интересуют заботы семьи, проблемы и трудности её членов. Автономные матери допускают попустительство по отношению к своим дочерям, не наказывают их за проступки и не выдвигают требований к нормам поведения.

Девушки отмечают Непоследовательность отца (30,77%) и матери (61,54%). Для таких родителей характерна смена стилей воспитания – от демократического к авторитарному.

При диагностике «Самооценки психических состояний личности» не выявлено значимых различий между юношами и девушками.

При оценке уровня сформированности суицидальных намерений у подростков обращают на себя внимание высокие (71,43%) показатели аффективности и высокий (100%) социальный пессимизм у опрошенных подростков, что свидетельствует о доминировании эмоций в поведении и в оценке ситуации, восприятии окружающего мира как враждебного и недостойного.

На основе проведенного корреляционного анализа выявлены взаимосвязи параметров детско-родительских отношений и суицидальных тенденций.

Уровень аффективности взаимосвязан с показателями: позитивное отношения отца к ребенку ($r = -0,35$), директивное отношение матери ($r = 0,33$), позитивность/враждебность к ребенку.

При низком уровне позитивного отношения отца и жестком контроле со стороны матери, у ребенка проявляется высокий уровень аффективности. Т.е. чем меньше к подростку проявляется теплота и открытость со стороны отца, тем выше готовность ребенка реагировать на психотравмирующую ситуацию особо эмоционально. В классических работах и в некоторых современных публикациях, аффективный фактор рассматривается как один из ведущих причин суицида.

При высокой враждебности ($r = 0,44$) и директивности ($r = 0,34$) со стороны матери, т.е., чем агрессивнее и строже она ведет себя с ребенком, чем больше она пытается контролировать его, тем у подростка выше восприятие себя и своей жизни как явления исключительного, не похожего на другие, что так же подразумевает исключительные варианты выхода, в частности, суицид. Излишне строгая и игнорирующая удовлетворение потребностей ребенка мать, влияет на формирование суицидальных реакций у ребенка.

При высоком контроле ($r = 0,33$) и враждебности ($r = 0,41$) со стороны матери у подростка развивается невозможность конструктивного планирования будущего. Это может быть следствием сильной погруженности в настоящую ситуацию, трансформацией чувства неразрешимости текущей проблемы в глобальный страх неудач и поражений в будущем [2].

Таким образом, в ходе проведенного исследования выявлено, что во взаимоотношениях с подростками чаще наблюдается авторитарность со стороны родителей, враждебное отношение, а также строгость и тотальный контроль. Эти факторы влияют на формирование суицидального поведения у подростков, так как они отображают принижение потребностей ребёнка, унижение и ограничение свободы его личности.

Список литературы

1. Буравцова Н.В. *Формирование у подростков «группы риска» позитивного представления о доме с помощью реконструкции сказочных сюжетов* // Психология. Социология. Педагогика. 2012. N 4 (17). С. 53–55.
2. Прихожан А.М. *Проблема подросткового кризиса.* // Психологическая наука и образование. 1997. N 1. С. 82–87.
3. Сычева Т.Ю., Скосырский Е.С. *Гендерные особенности представлений о смысле жизни* // СМАЛЬТА. 2014. N 4. С. 28–31.
4. *World Health Organization, Suicide, Fact sheet N 398, 2015.*

References

1. *Buravtcova N.V. Formirovanie u podrostkov «gruppy riska» pozitivnogo predstavleniya o dome s pomoshch'yu rekonstrukcii skazochnyh syuzhetov*// *Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*. 2012. N 4 (17). P. 53–55.
2. *Prihozhan A.M. Problema podrostkovogo krizisa. // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 1997. N 1. P. 82–87.
3. *Sycheva T.Yu. Skosyrskij E.S. Gendernye osobennosti predstavlenij o smysle zhizni* // *SMAL'TA*. 2014. N 4. P. 28–31.
4. *World Health Organization, Suicide, Fact sheet N 398, 2015.*

Дмитриева Наталья Витальевна

д-р психол. наук, профессор кафедры педагогики и психологии девиантного поведения, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург, Россия; dnv2@mail.ru

Перевозкин Сергей Борисович

канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, per@bk.ru

Перевозкина Юлия Михайловна

канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, per@bk.ru

Прюс Франц

доктор педагогики, профессор, зав. кафедрой социальной и школьной педагогики Университета имени Эрнста-Морица-Арндта, почетный профессор Омского государственного педагогического университета, г. Грайфсвальде, Германия, franz@pruess.eu

**СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА ПОДРОСТКОВ**

Dmitrieva Natalia Vitalievna

Doctor of Psychology Sciences, Professor in Department of Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Russia, E-mail: dnv2@mail.ru

Perevozkin Sergei Borisovich

Candidate of Psychological Sciences, Associate professor in Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, E-mail: per@bk.ru

Perevozkina Yulia Mihaylovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate professor, Holder of Chair of Practical and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, E-mail: per@bk.ru

Pruess Franz

Doctor of Pedagogy, Professor, Head. Department of Social and School Pedagogy, University of Ernst-Moritz-Arndt, Honorary Professor of Omsk State Pedagogical University, Greifswalde, Germany, franz@pruess.eu

**SOCIO-BIOLOGICAL FACTORS OF SUICIDAL RISK
OF ADOLESCENTS**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы подросткового суицида, понимание которого возможно лишь с учетом психологических особенностей подростка и факторов, обуславливающих данное поведение. Целью исследования выступило

изучение факторов суицидального риска подростков (N = 123). Результаты применения факторного анализа позволили выделить три интегральных фактора отражающие эмоциональный, поведенческий и межличностный аспект. Выявленные в результате дисперсионного анализа (ANOVA) различных аспектов суицида у подростков, демонстрируют выраженность риска всех интегральных факторов. Важно учитывать наличие данных факторов при проведении мероприятий по профилактике суицидального риска подростками.

Ключевые слова: подростки, суицид, риск, факторы

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of adolescent suicide, the understanding of which is possible only taking into account the psychological characteristics of the adolescent and the factors causing this behavior.. The aim of the study was to study the factors of suicidal risk of adolescents (N = 123). The results of the use of factor analysis allowed identifying three integral factors reflecting the emotional, behavioral and interpersonal aspects. Identified as a result of analysis of variance (ANOVA) of various aspects of suicide in adolescents, demonstrate the severity of the risk of all integral factors. It is important to take into account the presence of these factors when taking measures to prevent suicidal risk from adolescents.

Keywords: adolescents, suicide, riskfactors

Тема подростковых суицидов актуальна не только для России, но и для всего мира в целом. По данным всемирной организации здравоохранения ежегодно заканчивают жизнь суицидом примерно 800 тысяч человек. Каждые 40 секунд где-то в мире совершается суицид. В России число подростковых суицидов в 2,7 раза выше среднего мирового показателя. Самоубийство является второй по частоте причиной смерти среди подростков. ВОЗ считает самоубийства приоритетом общественного здравоохранения. В 2014 году был опубликован первый доклад ВОЗ о самоубийствах в мире, озаглавленный «Предотвращение самоубийств: глобальная императива» для того, чтобы улучшить понимание общественным здравоохранением значения самоубийств и их попыток и сделать предотвращение самоубийств одним из наиболее приоритетных вопросов в глобальной повестке дня общественного здравоохранения.

Степень разработанности проблемы. Механизмам суицидального поведения и суицидального риска посвящено огромное количество трудов (А.Г. Амбрумова, Э. Дюркгейм, А.Е. Личко, Э. Шнейдман, Э. Гроллман и другие). В этих работах показано, что понимание суицидального поведения, суицидального риска возможно лишь с учетом психологических особенностей самого человека и ситуации, в которой он находится. Изучением факторов влияющих на риск суицида у подростков в занималась А.А. Лучина [7], которая показала, что доля суицидально настроенной молодежи составляет 8% для всех групп, а 30% школьников относятся к суициду толерантно. Для молодежи лидирующей причиной суицидальной настроенности являются семейные конфликты, неустроенность, социальная дезадаптация. Г.М. Валитова [2] по результатам проведенной работы сделала вывод, что суицидальным попыткам у детей предшествовали психотравмирующие ситуации, семейные конфликты на фоне отклоняющегося поведения. В.А. Закондырина [5] доказала, что замкнутость, ригидность, скрытность, и тревожность, переходящая в депрессию, повышенная ранимость увеличивают риск аутоагрессивных действий. Так же в своей работе автор указывает на роль проблем в семье и школе в формировании самоповреждающего поведения.

О.В. Бровчук [1] выделила две основные группы факторов производства суицидального риска:

- 1) социетальные (социально-экономический, политико-правовой, духовно-нравственный, социокультурный факторы);
- 2) социально-психологические, связанные в первую очередь, с социальным самочувствием людей.

По нашему мнению, в основу разработки классификации факторов должен лечь мультипарадигмальный подход используемый в социологии. То есть для того, чтобы наиболее полно описать изучаемое явление, необходимо учитывать как объективные, так и субъективные факторы суицидального поведения.

Под объективными понимаются факторы, которые действуют помимо человеческой воли и существуют как некая данность. Объективные факторы суицидального поведения – это не зависящие от человека обстоятельства, существующие вне и безотносительно к нему, действие которых приводит к суицидальному поведению [9]. Объективные факторы поддаются фиксации и количественному описанию, отражают преимущественно статистическую информацию. При помощи данных факторов социальная проблема может быть рассмотрена как объективно сложившаяся ситуация. Однако необходимо отметить, что статистические данные не всегда отражают полную картину происходящего, и объективными мы можем назвать их лишь условно. Социологи считают, что официальная статистика самоубийств отличается от реальных цифр, так как в нее попадают только явные случаи. Никем не фиксируются и случаи неудачных попыток ухода из жизни, количество которых намного превышает законченные самоубийства.

К объективным факторам суицидального поведения можно отнести: социально-демографический, социально-экономический, социально-политический, степень социальной интеграции в обществе, уровень алкоголизации населения, наличие специализированных служб помощи суицидентам.

Социально-демографический фактор включает такие характеристики как пол, возраст, место жительства. Динамика самоубийств свидетельствует, что добровольных смертей среди мужчин больше, чем среди женщин. Еще Э. Дюркгейм [4] заметил, что в среднем на четыре суицида лиц мужского пола приходится одно самоубийство женского пола. В России, при общем снижении суицидального тренда, коэффициент мужских самоубийств остается достаточно высоким и значительно превышает критический (35,8 на сто тысяч населения или 23794 человек в 2013 г.). Уровень женских самоубийств, начиная с 1990 г. (11,1), оставался достаточно стабильным до 2003 г. (11,0), а затем начал уверенно снижаться и к 2013 г. достиг уровня 6,5, став практически в два раза ниже уровня 1990 г. Отношение числа мужчин-самоубийц к числу женщин (индекс сверхсуицидальности мужчин) в 1990 г. составило 3,9:1, в 1995 - 5,3:1, в 2000 - 5,9:1, в 2007 - 5,4:1, в 2009 - 5,6:1, в 2013 - 5,5:1.

Существенное влияние на распространенность суицида оказывает возраст. Уровни суицидального поведения и их динамика в определенных возрастных группах во многом зависят от особенностей процесса социализации, характерного для каждого из этих возрастных групп [9]. Данные, приведенные И.Б. Орловой в статье «Самоубийство – явление социальное», вскрывают динамику коэффициента самоубийств относительно пола и возраста [8].

Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Ю.М. Перевозкина [6] приводят в качестве факторов суицидального риска среди подростков депрессию, злоупотребление алкоголем или наркотиками, агрессивное, разрушающее поведение, потеря в семье,

нестабильность, не планируемая беременность. Сообщается что склонные к суициду подростки чувствуют себя одинокими и отвергнутыми. Они особенно чувствительны к потере и унижению, как со стороны сверстников, так и со стороны взрослых. У них чаще обнаруживается сниженная переносимость психических травм, связанных с плохой успеваемостью и разрывом отношений с партнером.

Таким образом, анализ объективных и субъективных факторов суицидального риска показал, что нет необходимости противопоставлять их друг другу; наоборот, обнаруживается потребность в создании комплексной интегративной модели факторов суицидального риска, что и явилось целью исследования. В качестве методов исследования были использованы анкетирование (анкета разработана сотрудниками ГБУЗ НСО «Новосибирский областной детский клинический психоневрологический диспансер»); количественное определение спектра депрессивных симптомов «Опросник детской депрессии» (М. Ковак, адаптированный сотрудниками лаборатории клинической психологии и психиатрии НИИ психологии; для выявления подростков с пограничными и нервно-психическими расстройствами «Сильные стороны и трудности» (Р. Гудман перевод и культурная апробация опросников была осуществлена Е. Слободской, М. Розенбушем, Н. Бодягиной, С. Грачевым, Г. Князевым, В. Гафуровым). Эмпирическая выборка: ГБУЗ НСО «Новосибирский областной детский клинический психоневрологический диспансер». Выборку составили 123 подростка, (51 мальчик и 72 девочки). Возраст варьировался от 13 до 17 лет.

Для выделения групп факторов нами был проведен факторный анализ по методу главных компонент с вращением «варимакснормализованное». В результате было извлечено три фактора с собственными значениями больше единицы и объясняющих 73 % общей изменчивости (таблица 1). Первый фактор имеющий наибольшую объяснительную силу (49,7 % общей изменчивости) (таблица 1) образовали переменные отражающие эмоциональный аспект личности, включающий шкалу методики сильные стороны и трудности Р. Гудмана «Эмоциональные симптомы», шкалы методики опросник детской депрессии М. Ковак «Негативное настроение», «Неэффективность», «Ангедония», «Негативная самооценка», «Общий показатель депрессии». Второй фактор (охватывает 13% изменчивости все данных) интерпретируется посредством трех признаков: шкалы методики сильные стороны и трудности Р. Гудмана «Общее число проблем», «Проблемы с поведением», «Гиперактивность», данный фактор отражает поведенческий аспект суицидального риска подростков. Третий фактор включает также три переменные (объясняет 9,8% изменчивости): шкалы методики сильные стороны и трудности Р. Гудмана «Проблемы со сверстниками», «Просоциальная шкала», «Межличностные проблемы». Полученное характеризует данный фактор, как межличностный.

Таблица 1

Трехфакторная структура суицидального риска подростков по методу главных компонент с вращением «варимакснормализованное»

Переменные	Эмоциональный аспект	Поведенческий аспект	Межличностный аспект
1	2	3	4
Общее число проблем (сст)	0,06	0,73	0,11
Эмоциональные симптомы (сст)	0,59	0,24	0,06
Проблемы с поведением (сст)	0,13	0,81	-0,26
Гиперактивность (сст)	0,14	0,88	0,06

1	2	3	4
Проблемы со сверстниками (сст)	-0,23	0,06	0,70
Просоциальная шкала (сст)	-0,03	-0,14	0,88
Негативное настроение	0,83	0,27	0,13
Межличностные проблемы	-0,41	0,16	0,77
Неэффективность	0,53	0,36	0,04
Ангедония	0,89	0,13	0,08
Негативная самооценка	0,78	0,12	0,33
Депрессия общий показатель	0,94	0,23	0,09

Дальнейшему анализу подвергся вопрос анкеты, относящийся к употреблению наркотиков, который в анкете звучит как: «Ты когда-нибудь пробовал какие-либо наркотики?» и имеющий 4 варианта ответа: 1. никогда; 2. один раз 3. 2 – 4 раза 4. 5 и больше раз. По результатам проведенного анкетирования, подростков отметивших пункты 3 и 4 не было, в связи с этим мы продолжили факторный анализ ответа на данный вопрос учитывая две градации: 1. никогда 2. один раз. Для проведения однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) данный вопрос анкеты послужил группирующей переменной, в качестве зависимой переменной выступили аспекты суицидального поведения, выделенные нами ранее.

Таблица 2

Сравнение аспектов суицидального поведения и опыта применения наркотиков

Факторы	Leven		ANOVA	
	F	p	F	p
Эмоциональный аспект	0,7	0,40	7,94	0,01
Поведенческий аспект	0,1	0,74	6,96	0,01
Межличностный аспект	12,2	0,00	1,04	0,31

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу, что средние значения аспекта поведения и эмоций суицидального риска у подростков принимавших наркотики однажды и никогда не принимавшие их, отличаются, так как $p \leq 0,05$. Результаты дисперсионного анализа различных аспектов суицида у подростков с различной частотой употребления никотина демонстрируют достоверные различия ($p \leq 0,001$, таблица 2) Применен критерия LSD для парных сравнений групп и их изучения показало, что подростки не употреблявшие наркотики и употреблявшие их один раз имеют различные проявления эмоционального и поведенческого аспекта суицидального риска. Показатели данных аспектов выше у тех подростков, которые употребляли наркотики один раз (для эмоционального аспекта $M = 0,75$; для поведенческого $M = 0,71$) по сравнению с подростками никогда не пробовавшими наркотики ($M = -0,08$ для эмоционального; $M = -0,08$ для поведенческого аспектов), с вероятностью ошибки менее 1% .

Группирующий фактор для последующего дисперсионного анализа, вопрос анкеты: «Ты пробовал/а совершить самоубийство?», в качестве зависимой переменной выступили эмоциональный, поведенческий и межличностный аспекты суицидального поведения.

**Сравнение аспектов суицидального поведения у подростков
с попытками суицида и без таковых**

Факторы	Leven		ANOVA	
	F	p	F	p
Эмоциональный аспект	1,33	0,18	9,6	0,00
Поведенческий аспект	5,7	0,02	0,7	0,42
Межличностный аспект	1,15	0,23	13,2	0,00

Результаты показали, что средние значения эмоционального и межличностного аспекта суицидального риска у подростков, которые пробовали совершить суицид и теми, кто не пытался этого сделать различны, так как $p \leq 0,05$. Результаты анализа различных аспектов суицида у подростков, которые совершить самоубийство и теми, у кого таких попыток не было демонстрируют достоверные различия ($p \leq 0,001$, табл.3). Применение критерия LSD для парных сравнений групп в контексте трех, выявленных ранее аспектов суицидального поведения демонстрируют, что в эмоциональном и межличностном аспектах суицидального риска подростки, пробовавшие покончить жизнь самоубийством достоверно отличаются от тех, у кого суицидальных попыток не было (для эмоционального аспекта $M = 0,82$ и $M = -0,09$ соответственно, см таблица 25; для межличностного $M = 0,95$ и $M = -0,10$).

Выводы

Проведенное нами исследование и последующая математическая обработка полученных результатов позволила выделить три аспекта суицидального риска подростков: эмоциональный аспект, поведенческий и межличностный. В эмоциональный аспект попали признаки депрессии: сниженный фон настроения, ожидание неприятностей в будущем, плаксивость, тревожность; убежденность в собственной неэффективности; неспособность получать удовольствие или снижение этой способности; негативная самооценка. Так же в данный аспект включены эмоциональные расстройства. Это любое состояние, при котором эмоциональные реакции являются неадекватными ситуации, в которой они возникают. Эмоциональные расстройства включают депрессивные состояния, тревожность, страхи и связанные с ними психосоматические проявления - боли и неприятные ощущения, не имеющие определенной органической причины, а также невротические симптомы – тики, заикание. В поведенческий аспект вошли: гиперактивность и невнимательность, ложь, воровство, прогулы школы, побеги из дома, намеренная порча чужого имущества, жестокость по отношению к животным, насилие. В межличностный аспект: идентификация себя, как плохого человека, агрессия, непослушание, наличие трудностей взаимоотношениями с другими детьми, отсутствие друзей, сложности в совместной деятельности.

Последующее вычисление влияния социально-биологических факторов на эти аспекты позволяют выделить факторы, которые оказывают наибольшее влияние на риск совершения суицида у подростка. Факторы влияющие на все аспекты суицидального риска: наличие желания умереть/уснуть и не проснуться; серьезные размышления о самоубийстве; травля в школе; участие в травле в качестве агрессора. Важно учитывать наличие данных факторов при проведении мероприятий с подростками, всячески способствовать снижению действия данных факторов, способствовать их устранению. Факторы влияющие на два аспекта суицидального

поведения: употребление алкоголя, употребление психоактивных веществ, попытки суицида в прошлом, женский пол. Факторы, влияющие на один аспект: употребление никотина, травля посредством сети Интернет. Более пристальное внимание к перечисленным социально биологическим факторам поможет сформировать эффективную профилактическую работу.

Список литературы

1. Бровчук О. В. Факторы производства суицидального риска в современном российском обществе :дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2006. 211 с. РГБ ОД, 61:07-22/26
2. Валитова Г. М. Медико-социальные аспекты незавершенных суицидов среди детей в г. Уфе [Электронный ресурс] // Медицинский вестник Башкортостана. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-aspekty-nezavershennyh-suitsidov-sredi-detey-v-g-ufo> (дата обращения: 15.03.2018).
3. Взаимосвязь суицидального поведения и самооотношения личности в период молодости / Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин, Н. В. Дмитриева, А. С. Тишкова // Актуальные проблемы психологии и педагогики: диагностика, превенция, коррекция: материалы научно-практической заочной конференции с международным участием (г. Новосибирск, 16 декабря 2015 г.): в 2 ч.; под ред. О. О. Андронниковой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. Ч. 1. С. 101–106.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
5. Закондырина В. А. Взаимосвязь аутоагрессивного поведения и социально-психологической адаптации подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 28 с.
6. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Перевозкина Ю. М. Самоубийства: психология, психопатология, терапия. СПб.: Изд-во СПбГИПСР, 2016. 196 с.
7. Лучина А. А. Роль СМИ в формировании суицидальной настроенности молодежи и ее превенции [Электронный ресурс] // Суицидология. 2011. № 2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-formirovanii-suitsidalnoy-nastroennosti-molodezhi-i-ee-preventsii> (дата обращения: 15.03.2018).
8. Орлова И. Б. Самоубийство – явление социальное // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 69–73.
9. Суицид и нарцисстическое личностное расстройство / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Ю. М. Перевозкина, Т. С. Козырева // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: материалы VI Международной научно-практической конференции (Кемер, Турция, 26 апреля – 7 мая, 2015 г.) / под науч. ред. В. И. Хаснулина, М. Г. Чухровой, О. А. Белобрыкиной; Мин-во образования и науки РФ, Общественная орг. «Академия полярной медицины и экстремальной экологии человека». Новосибирск: Немо Пресс, 2015. С. 215–221.

References

1. Brovchuk O. V. Faktory proizvodstva suitsidalnogo riska v sovremennom rossiyskom obshchestve :dis. ... kand. sotsiol. Nauk. Orel. 2006. 211 p.. RGB OD. 61:07-22/26
2. Valitova G. M. Mediko-sotsialnyye aspekty nezavershennykh suitsidov sredi detey v g. Ufe [Elektronnyj resurs] // Meditsinskiy vestnik Bashkortostana. 2010. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnye-aspekty-nezavershennyh-suitsidov-sredi-detey-v-g-ufo> (data obrashcheniya: 15.03.2018).
3. Vzaimosvyaz suitsidalnogo povedeniya i samootnosheniya lichnosti v period molodosti / Yu. M. Perevozkina., S. B. Perevozkin, N. V. Dmitriyeva, A. S. Tishkova // Aktualnyye problemy psikhologii i pedagogiki: diagnostika. preventsiya. korrektsiya: materialy nauchno-prakticheskoy zaochnoy konfereentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (g.

Novosibirsk. 16 dekabrya 2015 g.): v 2 ch.; pod red. O. O. Andronnikovoy; Min-vo obrazovaniya i nauki RF. Novosib. gos. ped. un-t. Novosibirsk: Izd-vo NGPU. 2016. Ch. 1. P. 101–106.

4. *Dyurkgeym E.* Samoubiystvo: Sotsiologicheskij etyud. M.: Mysl. 1994. 399 p.

5. *Zakondyrina V. A.* Vzaimosvyaz autoagressivnogo povedeniya i sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. M. 2009. 28 p.

6. *Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V., Perevozkina Y. M.* Samoubiystva: psikhologiya. psikhopatologiya. terapiya. SPb.: Izd-vo SPbGIPSR. 2016. 196 p.

7. *Luchina A. A.* Rol SMI v formirovanii suitsidalnoy nastroyennosti molodezhi i eye preventsii [EHlektronnyj resurs] // Suitsidologiya. 2011. No. 2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smi-v-formirovanii-suitsidalnoy-nastroennosti-molodezhi-i-ee-preventsii> (data obrashcheniya: 15.03.2018).

8. *Orlova I. B.* Samoubiystvo – yavleniye sotsialnoye // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1998. N 8. P. 69 –73.

9. *Suitsid i nartsisticheskoye lichnostnoye rasstroystvo* / Ts. P. Korolenko. N. V. Dmitriyeva. Yu. M. Perevozkina. T. S. Kozyreva // Psikhologo-pedagogicheskiye tekhnologii v usloviyakh innovatsionnykh protsessov v meditsine i obrazovanii: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kemer. Turtsiya. 26 aprelya – 7 maya. 2015 g.) / pod nauch. red. V.I. Khasnulina. M. G. Chukhrovoy. O. A. Belobrykinoy; Min-vo obrazovaniya i nauki RF. Obshchestvennaya org. «Akademiya polyarnoy meditsiny i ekstremalnoy ekologii cheloveka». Novosibirsk: Nemo Press. 2015. P. 215-221.

Малова Ирина Александровна

*начальник группы психологической работы военно-политического отдела
Военно-морского политехнического института ВУНЦ ВМФ «Военно-морская
академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова»
г. Санкт-Петербург, Россия*

Сычев Кирилл Дмитриевич

*курсант 331 курса Военно-морского политехнического института ВУНЦ ВМФ
«Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза
Н. Г. Кузнецова» г. Санкт-Петербург, Россия, dim per9@mail.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ С УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Malova Irina Aleksandrovna

*head of the group of psychological work of the military-political department
of the Naval Polytechnic Institute VUNC Navy «Naval Academy named after Admiral
of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsova» St. Petersburg, Russia*

Sychev Kirill Dmitrievich

*cadet 331 courses of the Naval Polytechnic Institute of the VUNTs of the Navy
«Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N. G. Kuznetsov»
St. Petersburg, Russia, dim per9@mail.ru*

RELATIONSHIP OF AGGRESSIVE BEHAVIOR WITH THE LEVEL OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION

Аннотация. В статье обозначена особая актуальность изучаемой проблемы в «переходные» периоды, рассматриваются механизмы взаимосвязи агрессивного поведения и социально-психологической адаптации студентов-первокурсников. Наглядно доказана обратная взаимосвязь как между общим показателем агрессивности и социально-психологической адаптацией, так и между отдельными ее показателями. Обозначено направление возможной коррекционной работы.

Ключевые слова: агрессия, агрессивное поведение, социально-психологическая адаптация, вербальная агрессия, аутоагрессия, стремление к доминированию.

Abstract. The article identifies the special relevance of the problem under study in the "transitional" periods, discusses the mechanisms of the relationship of aggressive behavior and socio-psychological adaptation of first-year students. The inverse relationship between the general indicator of aggressiveness and socio-psychological adaptation, as well as between its individual indicators, is clearly demonstrated. Indicates the direction of possible corrective work.

Keywords: aggression, aggressive behavior, socio-psychological adaptation, verbal aggression, self-aggression, the desire to dominate.

Традиционно проблема соотношения агрессивности и социально-психологической адаптации рассматривается как важная научная проблема. Особую актуальность и остроту она приобретает в так называемые «критические», или «пере-

ходные» периоды, к которым относится возраст студентов-первокурсников. Они вынуждены приспосабливаться к новым условиям и, в большей степени, подвержены дезадаптации [1]. В этом возрасте человек переходит на новую ступень развития, изменяется привычная ему социальная среда, окружение, сфера деятельности. Все это часто сопровождается негативными переживаниями, связанными с изменениями в межличностных отношениях, социальном статусе и ролях, восприятии образа «Я», самосознании и отношении к себе. Отрицательные эмоции зачастую приводят к изменениям в поведенческой сфере, в частности они проявляются агрессивным поведением [2].

Цель данного исследования состоит в изучении взаимосвязи агрессивного поведения и социально-психологической адаптации у студентов-первокурсников.

В своем исследовании А.А. Налчаджян рассматривает в качестве одного из защитных механизмов социально-психологической адаптации агрессивное поведение. Обучение первокурсника в большинстве случаев сопряжено с большим фрустрирующим влиянием, препятствуя достижению им каких-либо значимых целей. В результате фрустрированный молодой человек для преодоления проблемной ситуации использует агрессивное поведение, которое проявляется в словесных и косвенных формах агрессивного поведения. Временно снижая напряжение, агрессивное поведение вызывает ответную агрессию извне, усиливая тем самым фрустрационное воздействие социальной среды. Стремясь противостоять ему, человек с низким уровнем социально-психологической адаптации склонен вновь использовать для защиты агрессивное поведение. Таким образом, при использовании агрессивного поведения в качестве механизма защиты, человек лишь усиливает степень собственной дезадаптации [3].

Часто в качестве адаптационного механизма в ситуации фрустрации используется не прямая агрессия, а перемещенная. Происходит процесс замещения объекта агрессии, и агрессивное поведение становится направленным на этот новый объект. Более тонким и длительно действующим защитно-адаптивным механизмом является идентификация с агрессором. Это защитно-адаптивный комплекс, включающим в себя механизмы агрессии, идентификации и интроекции. Находясь в проблемной ситуации и переживая состояние фрустрированности, человек защищает свою личность и самооценку тем, что включает в структуру своей личности достижения и силу фрустрирующих его индивидов и групп. Но такие механизмы опасны тем, что могут привести к формированию постоянной межличностной агрессивности и к ряду других нежелательных социально-психологических последствий.

В эмпирическом исследовании приняли участие 36 студентов первого курса в возрасте от 18 до 26 лет.

Для выявления агрессивности использовался опросник агрессивности (автор Л.Г. Почебут) и методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (авторы Е.П. Ильин и П.А. Ковалев). Социально-психологическая адаптация определена с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонда (в модификации А.К. Осницкого).

Анализ взаимосвязи проведен при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена в программе Statistica 6.0. В ходе анализа были выявлены значимые взаимосвязи между показателями агрессивности и социально-психологической адаптации. Так, была выявлена высокая обратная связь между общим уровнем агрессивности и уровнем адаптации ($r = -0,48$; при $p \leq 0,01$) (Рис. 1).

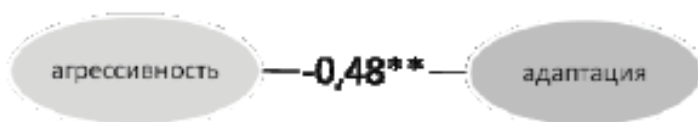

Рис. 1. Взаимосвязь уровня агрессивности и социально-психологической адаптации (** – $p \leq 0,01$)

Обратная взаимосвязь объясняется тем, что трудности в приспособлении к какой-либо ситуации могут вызывать защитную реакцию агрессии.

Была выявлена высокая положительная взаимосвязь стремления к доминированию с вербальной агрессией ($r=0,47$; $p \leq 0,01$), напористостью ($r=0,51$; $p \leq 0,01$) и негативной агрессивностью ($r=0,48$; $p \leq 0,01$) (Рис. 2).

Рис. 2. Взаимосвязь стремления к доминированию с вербальной агрессией, напористостью и негативной агрессивностью (** – $p \leq 0,01$)

Очевидно, при высоком стремлении к доминированию молодой человек проявляет большую напористость, увеличивается уровень негативной агрессивности, повышается количество вербальной агрессии, брани. Такие проявления агрессивного поведения могут быть связаны с тенденцией к подавлению окружающих при стремлении занимать позицию лидера.

Показательным в анализе проблемы, на наш взгляд, является обратная взаимосвязь на рис. 3.

Такая связь между уровнем адаптации и самоагрессией указывает на высокую вероятность проявления аутоагрессивных тенденций при возникновении трудностей в приспособлении к окружающей среде. При низком уровне эмоционального комфорта и самопринятия также высока вероятность проявления человеком агрессии по отношению к самому себе. Это можно объяснить тем, что в ситуациях, адаптироваться к которым молодому человеку трудно, или в ситуациях, вызывающих эмоциональный дискомфорт, он зачастую склонен к самообвинению, причинению вреда самому себе, нанесению себе каких-либо увечий. Причины такого поведения могут быть различными. Например, при невозможности выражения агрессии непосредственно на внешний объект она перенаправляется на самого человека. Также агрессия по отношению к самому себе может быть результатом внутриличностного конфликта при несоответствии реальности ожиданиям человека. В то же время,

учитывая наличие отрицательной связи между уровнем интернальности и самоагрессии, нельзя утверждать, что люди с интернальным локусом контроля больше склонны к аутоагрессивным проявлениям. Не всегда чувство вины, связанное с ответственностью за происходящее, вызывает самоагрессию.

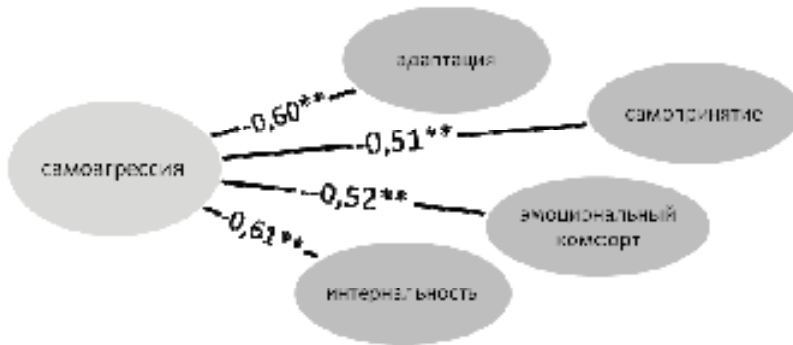

Рис. 3. Взаимосвязь самоагрессии с адаптацией, самопринятием, эмоциональным комфортом и интернальностью (** – $p \leq 0,01$)

Особого внимания заслуживает отрицательная взаимосвязь показателя «Принятие других» с показателями агрессивности (рис.4).

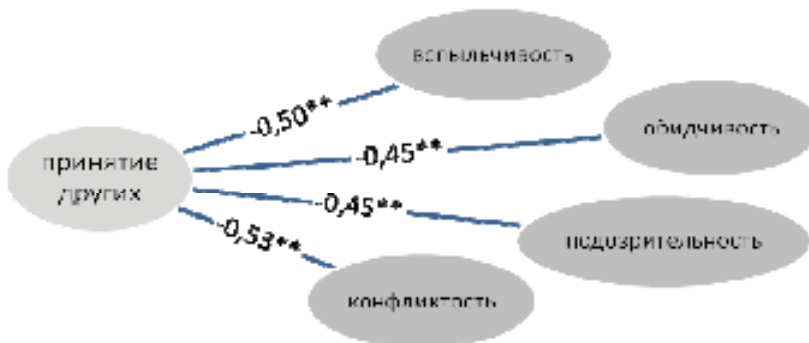

Рис. 4. Взаимосвязь принятия других с вспыльчивостью, обидчивостью, подозрительностью и конфликтностью (** – $p \leq 0,01$)

При низком уровне принятия других повышается уровень обидчивости, подозрительности, вспыльчивости и конфликтности в целом, и наоборот, частота таких проявлений агрессии снижается при высоком уровне принятия других.

Таким образом, по результатам проведенного исследования установлена значимая обратная взаимосвязь как между общим показателем агрессивности и социально-психологической адаптацией, так и между отдельными ее показателями.

Результаты данного исследования могут быть использованы в работе практических психологов, направленной на достижение адаптации первокурсников через коррекцию агрессивного поведения.

Список литературы

1. *Буравцова Н. В.*, Сычева Т. Ю., Маршируева И. Б. Особенности проявления личностных расстройств у юношей призывного возраста // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. N 4–2 (58). С. 154–156.
2. *Индивидуально-психологические* особенности военнослужащих, влияющие на успешность адаптации / Ю. М. Султанмуратов, А. А. Овчинников, А. Н. Султанов, Т. Ю. Сычева // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2017. N 3 (96). С. 50–56.
3. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы, стратегии) / под ред. Э. А. Александрова. Ер.: Изд-во Ан АрмССР, 1988. 263 с.

References

1. *Buravtsova N. V.*, Sycheva T. Ju., Marshirueva I. B. Osobennosti projavlenija lichnostnyh rassstrojstv u junoshej prizyvnoho vozrasta // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2017. N 4–2 (58). P. 154–156.
2. *Individual'no-psihologicheskie* osobennosti voennosluzhashchih, vliyayushchie na uspešnost' adaptacii / Yu. M. Sultanmuratov, A. A. Ovchinnikov, A. N. Sultanova, T. Yu. Sycheva. // *Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii*. 2017. N 3 (96). P. 50–56.
3. *Nalchadzhyan A. A.* Social'no-psihicheskaya adaptaciya lichnosti (formy, mekhanizmy, strategii) / pod red. EH. A. Aleksandrova. Er.: Izd-vo An ArmSSR, 1988. 263 p.

Терешина Анастасия Леонидовна

*ст. преподаватель, Новосибирский государственный университет экономики
и управления (НИИХ), г. Новосибирск, Россия, a_tereshina@mail.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ РЕФЛЕКСИВНЫХ
ПРОЦЕССОВ И ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
ЛИЧНОСТИ С ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ЧРЕЗМЕРНОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕЛЕФОНА С ВЫХОДОМ В ИНТЕРНЕТ**

Tereshina Anastasia Leonidovna

*senior teacher, Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia, a_tereshina@mail.ru*

**ECULIARITIES OF INTERRELATION BETWEEN REFLEXIVE
PROCESSES AND ORGANIZATION OF PERSONALITY'S TIME
PERSPECTIVE INVENTORY WITH ABUSE PHONE WITH
INTERNET ACCESS**

Аннотация. В статье рассматриваются рефлексивные процессы и организация временной перспективы личности как потенциальные психологические ресурсы совладания со склонностью к чрезмерному использованию технологических средств. Показано, что личностными ресурсами совладания со склонностью к чрезмерному использованию технологических средств у студентов могут выступать такие индивидуально-психологические особенности, как развитая системная рефлексия и гармоничная временная перспектива.

Ключевые слова: рефлексивные процессы, организация временной перспективы личности, чрезмерное использование телефона с выходом в Интернет.

Abstract. Discusses reflexive processes and the organization of the time perspective inventory of the individual as a potential psychological resources of coping with the tendency towards excessive use of technological tools. It is shown that the individual resources of coping with a tendency to excessive use of technological means among students can be such individual psychological features, such as developed systemic reflection and harmonious temporal perspective.

Keywords: reflexive processes, time perspective inventory, abuse phone with Internet access.

В современных условиях отражением всепроникающей интернетизации выступает виртуализация общества. Потребление новых медиа – всего того, что связано с цифровой информацией и коммуникацией онлайн – непрерывно возрастает. Интеграции технических средств в повседневную жизнь делает Интернет не только каналом информации и общения, но и инструментом обиходных транзакций. Соответственно росту социальной значимости Интернет-технологий, важности их роли в обществе, растет и их влияние на социокультурную трансформацию общества. Сегодня жить в обществе и быть свободным от использования Интернета невозможно, в результате стираются границы между реальностью социальной и сетевой.

Интенсивное обращение к помощи информационных технологий делает пользователей зависимыми от них, размывает границу между собственным мышлением и технологическим устройством и формирует иллюзию больших собственных знаний. А возможность всегда прибегнуть к помощи поисковых систем ослабляет желание отслеживать и запоминать важную информацию. Возможности информационного пространства стали оказывать влияние психическую сферу пользователей. Поэтому открытым остается вопрос: сопровождается ли технологический прогресс социально-психологическим регрессом или он лишь создаёт новую форму для проявления дезадаптивного поведения, представляя канал для сброса психоэмоционального напряжения, создаваемого трудностями социализации. Высокий темп жизни, избыточность и временность социальных контактов приводят к тому, что субъективная картина жизненного пути становится фрагментарной, размываются перспективы.

Рефлексия является важной частью способности человека к самостоятельному анализу своей личности и жизни. По мнению Б.Г. Ананьева рефлексивные свойства личности, во-первых, всегда взаимосвязаны с жизненными целями, с целью конкретной деятельности, с ценностными ориентациями и установками. Во-вторых, рефлексивные свойства личности выполняют функцию саморегулирования и контроля развития, что определяет стабилизацию единства личности [1]. Личность как субъект неразрывно связана с жизненным миром, а рефлексия, выступает как инструмент самопонимания, саморегуляции и самодетерминации.

В рамках концепции личностной организации времени, разработанной К.А. Абульхановой, субъективное время представляет собой единство прошлого, настоящего и будущего [2]. Именно субъект обладает свободой выбора из множества вариантов развития. Именно через категории прошлого настоящего и будущего раскрывается необратимость человеческого времени и относительность к личности.

Ж. Нюттен [3] разработал понятийный аппарат, описывающий различные аспекты временной перспективы личности, обосновывая положение о том, что временное опосредование жизнедеятельности человека взаимосвязано с его способностями к решению проблем самоопределения и личностного развития. Временная перспектива во взаимосвязи с рефлексивными процессами создает условия для разворачивания субъективной картины жизненного пути и самоизменений субъекта.

Ф. Зимбардо [4] определяет временную перспективу как отражение установок, ценностей и убеждений личности, связанных со временем и предлагает выделять пять основных временных ориентаций личности: две из них связаны с прошлым – негативным и позитивным, еще две временные установки связаны с настоящим личности – гедонистическое настоящее и фаталистическое настоящее, пятая установка – это ориентация на будущее.

С целью уточнения взаимосвязи рефлексивных процессов и организации временной перспективы личности с выраженностью чрезмерного использования телефона с выходом в Интернет было проведено эмпирическое исследование, объектом которого выступила рефлексия и организация временной перспективы личности как психологический феномен, предметом – особенности взаимосвязи рефлексивных процессов и организации временной перспективы личности с выраженностью чрезмерного использования телефона с выходом в Интернет.

В качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о том, что существует взаимосвязь рефлексивных процессов личности и организации её временной перспективы с выраженностью чрезмерного использования телефона с выходом

в Интернет. С целью проверки выдвинутой гипотезы были выбраны следующие методики: дифференциальный тест рефлексии Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина [5]; опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [6]; анкета, направленная на диагностику выраженности чрезмерного использования смартфона (телефона с выходом в Интернет). Под «чрезмерным» использованием понимается его высокая частота и продолжительность. Анкета включает 10 вопросов, направленных на измерение выраженности чрезмерного использования телефона с выходом в Интернет (Вы всегда держите свой смартфон рядом (на учебе, дома, в иных местах)? Проверяете ли вы получение новых сообщений, даже когда соответствующего звукового сигнала телефон не издает? Вы скорее согласились бы забыть дома кошелек, чем телефон? Обошлись бы вы скорее без чистки зубов, но не без девайса?) Степень согласия оценивалась респондентами по 3-х балльной шкале.

Полученные данные были обработаны при использовании программы Statistic 6.0, с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В исследовании приняли участие 77 студентов двух вузов Новосибирска (юридического, экономического и психологического факультетов второго, третьего и четвертого курсов обучения), из них – 37 юношей и 40 девушек, средний возраст которых составил 19,9 лет.

Результаты диагностики по методике «Дифференциальный тест рефлексии» обнаружили, что в структуре рефлексивных процессов респондентов доминирует «Системная рефлексия» ($M=37,7$ при норме $M=39,6 \pm 5,1$), что свидетельствует о хорошем адаптивном потенциале испытуемых, так как системная рефлексия в первую очередь связана с самодетерминацией личности. При этом респондентам в равной мере свойственен как уход в собственное внутренне переживание («Интроспекция» $M=24,4$ при норме $M=25,1$), так и «Квазирефлексия» ($M=27,2$ при норме $M=27,4$), понимаемая как непродуктивный уход в посторонние и пространственные размышления.

Средние значения по методике «Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо» не выходят за пределы нормы. Такой аспект отношения к настоящему как «гедонистическое настоящее» обнаружил наибольшую представленность ($M=3,5$), второй аспект отношения к настоящему – фаталистическая установка – обнаружил наименьшую представленность в структуре временной перспективы ($M=2,7$). Таким образом, респонденты в наименьшей степени характеризуются верой в судьбу, им скорее характерна убежденность в своей способности влиять на события своего настоящего и будущего.

Ориентация на будущее обнаружила умеренную представленность в структуре временной перспективы ($M=3,5$), то есть, в целом респонденты характеризуются наличием целей и планов на будущее и поведением, направленным на осуществление этих планов и целей. Выраженность негативного прошлого (прошлое видится неприятным) сочетается с представленностью в сознании положительных мыслей о прошлом ($M=3,1$ против $M=3,7$).

Если же рассматривать в целом профиль временной перспективы, то его нельзя признать полностью гармоничным. В сравнении с оптимальным профилем респонденты обнаружили довольно высокие баллы по шкале «Негативное прошлое» ($M=3,1$ при норме $M=2,7 \pm 0,68$ балла) и по шкале «Фаталистическое настоящее» ($M=2,7$ балла при норме $M=2,3 \pm 0,5$ балла).

По результатам анкетирования 45 % респондентов ответили, что обязательно вернуться за забытым дома телефоном, даже если их отсутствие продлится недолго.

60 % студентов всегда берут мобильное устройство в кровать, а 23 % – почти всегда. 52 % студентов всегда проверяют получение новых сообщений, даже когда соответствующего звукового сигнала телефон не издает, а 19 % делают это почти всегда. 41 % респондентов всегда держит свой смартфон (телефон) рядом и на учебе, и дома, и в иных местах, а 30 % – почти всегда. 30 % всегда предпочтут вечером в свободное время книге гаджет, а 23 % – почти всегда. 4 % студентов обошлись бы без чистки зубов, но не без девайса, а 19 % – почти всегда.

Можно заключить, что большинство студентов используют телефон с высокой частотой и продолжительностью, не релевантной его основным функциям.

По результатам корреляционного анализа обнаружено 3 статистически значимые взаимосвязи. Значимая отрицательная взаимосвязь обнаружена между шкалой «Чрезмерное использование телефона с выходом в Интернет» и шкалами «Системная рефлексия» ($r = -0,31$, при $p=0,03$) и «Квазирефлексия» ($r = -0,29$, при $p=0,05$).

Д.А. Леонтьев [5] отмечает, что системная рефлексия связана с показателем позитивного одиночества, отражающим готовность и способность личности к творческому использованию ситуаций уединения. Сформированная системная рефлексия, основанная на самодистанцировании и взгляде на себя со стороны, служит ресурсом совладания с чрезмерным использованием телефона с выходом в Интернет. Квазирефлексия уводит личность в резонерство и беспочвенное фантазирование, являясь скорее формой психологической защиты через уход от неприятной ситуации, разрешения которой личность не видит. Квазирефлексия характеризуется направленностью на посторонние объекты за пределами актуальной ситуации, не приводя к чрезмерному использованию телефона с выходом в Интернет.

Значимая прямая взаимосвязь обнаружена между шкалой «Чрезмерное использование телефона с выходом в Интернет» и шкалами «Фактор восприятия фаталистического настоящего» ($r=0,30$, при $p=0,05$) и «Интроспекция» ($r=0,28$, при $p=0,05$). По-видимому, пессимистическое отношение к жизни, низкая мотивация к действию, отсутствие инициативы и ориентация на «самокопание» выступают факторами риска чрезмерного использования телефона с выходом в Интернет. Выраженная интроспекция может усиливать восприятия фаталистического настоящего, так как ориентация на состояние противоположна ориентации на действие. В исследовании Д.А. Леонтьева [5] обнаружено, что склонность к интроспекции положительно коррелирует с тревожностью. Потребление информации выступает в данном случае как фактор борьбы с собственной тревожностью, ведь информация является количественной мерой уничтожения неопределённости: добывая информацию, вы снижаете неопределённость, а, следовательно, и тревожность.

Выраженная склонность к интроспекции как ориентация на состояние порождает беспомощность, уязвимость перед негативным влиянием ситуаций. Ориентированные на интроспекцию индивиды закономерно реализуют меньшую часть своих намерений по сравнению с теми, кто ориентирован на действие. Д.А. Леонтьев [5] отмечает, что связи шкалы интроспекции с показателями «Дифференциального опросника переживания одиночества» свидетельствуют о том, что респонденты, склонные к интроспекции, более настроены на переживание одиночества и компенсаторный поиск общения. По-видимому, чрезмерное использование телефона с выходом в Интернет служит этому компенсаторному поиску общения.

Анализ результатов исследования свидетельствует о том, что личностными ресурсами совладания со склонностью к чрезмерному использованию технологических средств у студентов могут выступать такие индивидуально-психологические особенности,

к а к

развитая системная рефлексия и гармоничная временная перспектива.

Может ли образовательная среда в условиях недостатка материальных и организационных ресурсов помочь студенту овладеть способами, позволяющими создавать, конструировать и изменять различные параметры рефлексивной компетенции и временной перспективы. Очень интересен опыт программы PERTS (Project for Education Research That Scales), разработанный и воплощенный американскими психологами из Стенфордского университета. Ученые перенесли свои исследования так называемой «угрозы подтверждения стереотипа» из лаборатории в школы и лекционные аудитории. Разработанные ими простые и короткие упражнения по повышению уверенности помогают повысить академическую успеваемость и социальную успешность. Методика проста: учащихся просят определить собственные качества, которые для них особенно важны, и написать, почему это важно. Такое 15-минутное упражнение снижает тревожность, способствует повышению самооценки, развитию осознанной рефлексии и осознанию своих ресурсов в настоящем. Осознанная саморегуляция помогает преодолеть фаталистическую установку, ориентирует учащегося на настоящее и будущее, опосредованно способствуя построению образа профессионального будущего, делая его реальным и по-настоящему достижимым.

Список литературы

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. *Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
3. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
4. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
5. *Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности / Д. А. Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин, А. Ж. Салихова // Рефлексивные процессы и управление: сб. материалов VII Междунар. симп., Москва, 15–16 окт. 2009 г.; под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 145–150.*
6. *Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал, 2008. Т. 29. N 3. С. 101–109.

References

1. *Anan'ev B. G.* Chelovek kak predmet poznanija. SPb.: Piter, 2001. 288 p.
2. *Abul'khanova K. A., Berezina T. N.* Vremia lichnosti i vremia zhizni. Pb.: Aleteia, 2001. 304 p.
3. *N'iutten Zh.* Motivatsia, deistvie i perspektiva buduschego. M.: Smysl, 2004. 608 p.
4. *Zimbardo F., Boid Dzh.* Paradoks vremeni. Novaia psikhologiiia vremeni, kotoraiia uluchit vashu zhizn'. SPb.: Rech, 2010. 352 p.
5. *Razrabotka metodiki differencial'noi diagnostiki refleksivnosti / D.A. Leont'ev, E. M. Lapteva, E. N. Osin, A. Z. Salikhova // Refleksivnye processy i upravlenie: sb. materialov VII Mezhdunar. simp., Moskva, 15–16 okt. 2009 g.; pod red. V.E. Lepsкого. M.: Kogito-Centr, 2009. P. 145–150.*
6. *Syrcova A., Sokolova E. T., Mitina O. V.* Adaptacia oprosnika vremennoi perspektivy lichnosti F. Zimbardo // Psikhologicheskii zhurnal, 2008. T. 29. N 3. P.101–109.

Шпехт Марина Викторовна

*руководитель Центра практической психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия, m.shpeht@yandex.ru.*

Сарсембаева Элла Юрьевна

*канд. психол. наук, ст. преподаватель кафедры анатомии, физиологии
и дефектологии, Павлодарский государственный педагогический университет,
Павлодар, Республика Казахстан, elmasars@mail.ru*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА
О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ**

Shpecht Marina Viktorovna

*Director of the center for practical psychology, faculty of psychology, Novosibirsk State
Pedagogical University, Russia, m.shpeht@yandex.ru*

Sarsembayeva Ella

*PhD in psychology, senior lecturer of the Department of anatomy, physiology and
defectology, Pavlodar state pedagogical University, The Republic of Kazakhstan,
elmasars@mail.ru*

**THEORETICAL ASPECTS OF THE QUESTION OF
PROFESSIONAL DEFORMATION OF PERSONALITY**

Аннотация. В статье представлен обзор теоретических и практических современных исследований феномена профессиональной деформации личности. Автором сделан анализ и рассмотрены отличительные особенности понятий «трансформация», «деформация», «деструкция», «профессиональная деформация»; показана специфика исследований данного вопроса в работах военных исследователей. Автором раскрыты причины и механизмы профессиональной деформации личности, в том числе в военно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: трансформация, деформация, деструкция, профессиональная деформация, военная профессиональная деятельность.

Abstract. The article explores main theoretical and practical aspects of modern researches of a phenomenon of professional deformation of the personality. The author presents the analysis and disclosed particularity of the concepts of «transformation», «deformation», «destruction», «professional deformation» in the works of military researchers. The author discloses the reasons and mechanisms of professional deformation of the personality, in the conditions of professional and military professional activity

Keywords: transformation, deformation, destruction, professional deformation, military professional activity.

Вопросы влияния профессии на личность периодически возникает в фокусе внимания исследователей. Влияние профессиональной деятельности на психологию личности, на формирование ее мировоззрения, ценностных и других установок является достаточно актуальной проблемой для современной психологии и практики ра-
боты с

людьми.

В современных условиях поведение людей часто находится вне ординарных рамок, имеет тенденцию к отклонению от стандартов и становится все менее предсказуемым.

Деформация в контексте научных размышлений может рассматриваться в двух направлениях. Деформация может выступать, во-первых, как феномен, оказывающий влияние на процессы размывания духовно-нравственных, правовых, профессиональных и других норм. Во-вторых, деформация может пониматься как попытка человека выйти за рамки фиксированных стандартных форм поведения для достижения вершин своего развития.

Если рассматривать деформацию как структурный компонент общественной системы, то проблема изменения личности под воздействием профессии приобретает междисциплинарный характер. Ее исследование осуществляется в рамках социальной философии, психологии, социологии, педагогики и др. При освещении проблемы соотношения и взаимного влияния профессиональной деятельности и личности прослеживаются две концепции. Приверженцы первой концепции отрицают влияние профессии на личность, подчеркивая изначальную «профессиональность» и неизменность человека при освоении и выполнении трудовой деятельности [17]. При выявлении несоответствия личностных способностей выбранной профессии человеку приходилось менять свою профессию.

Большинство зарубежных и отечественных исследователей в психологии являются сторонниками второй концепции взаимодействия профессии и личности, которые признают факт изменения личности в процессе профессионального становления и под влиянием профессиональной деятельности.

Имеется множество подходов в определении понятий норма и отклонений от нормы и их критериев. Некоторые варианты отклонения от нормы могут иметь прогрессивную и положительную направленность. Критерии к понятию нормы и аномальности определяются разными авторами в зависимости от их приверженности к тому или иному направлению в исследовании данных понятий.

В рамках изучения психологии девиантного поведения поведенческая норма – это «эталон поведения следования личности принятым в данном сообществе в данное время нравственным требованиям» [12, с.17].

Относительно профессиональных норм, по мнению С.П. Безносова, для каждой профессиональной группы существуют свои критерии нормальности и отклонения от нормы, которые «используются в целях профессионального отбора, профессиональной диагностики, профессионального обучения». Также он выделяет еще один вид нормы – деятельностьнормы, которые существуют только в деятельности, зафиксированные в инструкциях и выступающие регулятором деятельности человека [2].

Очевидно, что социальные нормы (общая мораль, ценности) задают поведение личности, построенное в интересах социума, личностные нормы (личностная мораль и этика) определяют поведение конкретного индивида вне профессиональной деятельности, профессионально-этические и профессионально-деятельностные нормы (профессиональная мораль и этика, свойственные той или иной специальности) регулируют поведение индивида в его профессиональной деятельности. Таким образом, соответствие и согласованность указанных норм можно принять как условие позитивного изменения личности в процессе выполнения профессиональной деятельности.

При рассмотрении понятия «деформация» философский словарь использует данный термин не только к описанию изменений размеров или формы тела при определенном воздействии на него, но и допускает использование этого термина к описанию регрессивных изменений в обществе [25]. В переносном значении термин «деформация» раскрывается в толковых словарях иностранных слов как «нежелательное изменение каких-нибудь свойств, представлений, понятий и т.п., искажение» [9].

В научной литературе нет единого понимания термина «профессиональная деформация», т. к. при его рассмотрении и описании авторы базируются на различных подходах и концепциях, придерживаются различных целей при изучении данного психологического феномена. Например, с позиции акмеологического подхода понятие «профессиональная деформация» раскрывается сущность изменений личности под влиянием выполнения профессиональных обязанностей на различных этапах профессионального становления [4; 5; 7; 11 и др.].

А.К. Маркова, А.А. Реан и др., раскрывая понятие «профессиональная деформация» говорят о деформации и деструктивных изменениях не только в профессиональной деятельности, но и в поведении личности [11; 20]. Э.Ф. Зеер понятие «профессиональная деформация» определяет как нарушение сложившейся структуры деятельности и личности, указывая на трансформацию профессионально значимых качеств [5]. Л.И. Анцыферова с позиции динамического подхода изучает развитие личности с целью выявления прогрессивных или регрессивных тенденций развития и причин трансформации личности, где активностью личности определяется закрепляются те или иные формы поведения и т.д. Ей же были выделены общие деформации сознания, деформации личности, деформации стиля жизни и деятельности, деформации отношений и представлений и пр., которые могут иметь место в любой профессии и оказывать влияние на профессиональной деятельности [1].

С точки зрения негативного воздействия профессии на личность вопросы профессионально обусловленных личностных изменений рассматриваются во многих направлениях. В философских трудах упоминается о деструктивной направленности в развитии личности как о врожденном зле. Позже, в философии религии обсуждение проблемы саморазрушения можно увидеть в воззрениях А. Камю. М. Хайдеггер обозначил деструкцию мира бытия как некую безличную силу. В социологических исследованиях вопросы деструктивного развития личности рассматривались с как изменение социального характера и деятельности личности. В концепции «социальной деструкции» И.Кант размышляет о деформации отношений и о деструкции «как альтернативе жизни» [приводится по: 13]

Позже, в 20-е гг. XX в. Питирим Сорокин для обозначения влияния профессиональной деятельности на человека и прежде всего в негативном аспекте, ввел понятие «профессиональная деформация». Подчеркивая деформационную роль профессиональной деятельности, П. Сорокин отмечает, что длительно и многократно выполняемые трудовые действия «неизбежно накладывают свою печать и свой штамп на человека», «поистине преобразуют человека по своему образу и подобию, деформируют его всесторонне». Он раскрывает следующие формы профессиональной деформации: «1) деформацию анатомического и соматического строения человека его профессией, 2) на деформацию его двигательных рефлексов в связи с деформацией его внешности – (облика-аспекта), 3) на деформацию психических переживаний и всей психической личности человека, 4) наконец, на деформацию всего образа жизни как сообщественника» [23, с. 356].

В педагогических исследованиях исследования проводились в рамках изучения продуктивного развития педагогов. А.К. Маркова, Е.И. Рогов, Е.А. Климов и другие ученые в своих исследованиях профессиональных деформаций педагогов отмечают о негативном или деструктивном воздействии на личность профессий, связанных с межличностным и социальным взаимодействием, т.е. профессии относящиеся к системе «человек – человек». К данной категории профессий также относят медицинских работников, военнослужащих, служащих силовых структур и т.д. [7; 10; 11; 15; 21 и др.]

В психологических направлениях деструктивные изменения структуры личности подвергались более глубокому анализу. В разных концепциях профессионального становления личности признается разнонаправленность изменений личности в процессе выполнения профессиональной деятельности [2; 5; 7; 11 и др.].

В работах отечественных исследователей также выделяется деструктивная направленность девиантного поведения: О.С. Осиповой [14] – созидательное и разрушительное поведение как нарушение социальных норм; Ц.П. Короленко, Т.А. Донских [8] – нестандартное, внешнедеструктивное и внутридеструктивное поведение как нарушение социальных и личностных норм. Ориентации на психологические и медицинские нормы придерживается Е.В. Змановская при выделении аутодеструкции, делинквентного (антисоциального) и аморального (асоциального) типов отклоняющегося поведения [6].

Изучению деформаций личности военнослужащих с отклоняющимся поведением в ходе их социализации в условиях военной службы посвящены работы многих военных исследователей. Их труды в основном направлены на выявление и изучение деформаций личности военнослужащих с отклоняющимся поведением с криминологических, социологических и психологических позиций [18]. С.В. Радионова рассматривает неуставные взаимоотношения, криминальное поведение как асоциальную деформацию личности, которые «отражают деструктивное (разрушающее личность) изменение комплекса качеств характера и особенностей поведения в ходе социализации в условиях военной службы» [19, с. 266]. Военными специалистами изучается преступность, суицидальное поведение, алкогольная и наркотическая зависимости, правонарушающее поведение – дисциплинарные проступки, частично гомосексуализм.

Рассматривая причины профессиональных деформаций, мы имеем ввиду, что это те явления и обстоятельства, которые обуславливают возникновение какого-либо явления, а в нашем случае – вызывающие профессиональную деформацию. Описание исследователями причин любого феномена зависит от приверженности к определенной концепции, подходу, теории, с помощью которых авторы пытаются объяснить данное явление.

Одной из основных причины деформации с точки зрения психологии называют разделение труда и узкую специализацию деятельности, в результате чего возникает «профессиональный тип человека». Обусловленность профессиональных деформаций ученые видят в специфике ближайшего окружения и специфике профессиональной деятельности; в конфликте или несоответствии социальных, личностных, профессиональных, этических норм. В результате неправильного определения, понимания и усвоения норм происходят столкновения между ними, что в свою очередь приводит к внутриличностному конфликту [2; 3; 5; 24 и др.].

Ряд исследователей в качестве причин, деформирующих личность в процессе профессиональной деятельности выделяют выработку и закрепление стереотипных

действий. Стрeотипизация, т.е. невозможность выйти за рамки сложившейся роли или стереотипа, изменить свое поведение адекватно имеющейся ситуации, оказывает не только положительное, но и деформирующее воздействие на личность, его деятельность и поведение [3; 16 и др.].

Представители концепции профессионального развития в качестве причины профессиональных деформаций рассматривают кризисы профессионального становления и / или деструктивные способы их разрешения. Кризис профессионального становления способствует перестройке психологической структуры личности и ее социально-профессиональному развитию. Деструктивный выход из кризиса – это самореализации вне профессиональной деятельности возможное появление профессионально нежелательных качеств личности. Как отмечает В.Н. Дружинин, при конструктивном выходе из кризиса профессионально нежелательные качества личностью преодолеваются, а при деструктивном – они становятся все более выраженными [17]. Деструктивные последствия кризисов могут выражаться в виде различного рода девиаций и аддикций.

Некоторые исследователи в качестве причин профессиональной деформации должностных лиц, обладающих трудно контролируруемыми властными полномочиями и отдающих приказы, выделяют: слабый контроль, негативные и / или неправильно понимаемые нормы поведения в коллективе; отсутствие или невозможность оценки, критики и обсуждения результатов их деятельности; безнаказанность; высокая служебная и эмоциональная загруженность и пр. Указанные выше причины особенно характерны для профессий силовых ведомств, у представителей которых часто наблюдаются авторитарность, чувства превосходства, бездушное отношение к подчиненным; высокомерие, безапелляционность, отсутствие самокритики и пр.

Итак, можно сделать вывод, что самое большое влияние профессиональная деформация оказывает на личностные особенности представителей тех профессий, работа которых связана с людьми. К данной категории относится и профессия будущего офицера.

Несмотря на обширность исследований феномена профессиональных деформаций единой классификации видов данного нарушения не выработано. Е.И. Рогов [21] выделяет три вида деформаций:

- общепрофессиональные деформации, характерные для определенной профессии, которые находят выражение в виде установок, привычек, форм общения;
- типологические деформации в результате слияния личностных особенностей и особенностей профессии;
- индивидуальные деформации, обусловленные индивидуальными личностными особенностями.

Э.Э. Зеер [5] в своей классификации помимо указанных выше деформациям добавляет еще специальные профессиональные деформации, возникающие в результате узкой специализации в профессии; деформации профессиональной направленности личности – искажение мотивов деятельности, искажение ценностных ориентаций, мотивов деятельности и пр.; деформации, формирующиеся на основе каких-либо способностей (организаторских, коммуникативных, интеллектуальных и др.); деформации, обусловленные гипертрофированным развитием отдельных личностных особенностей, в результате чего возможно возникновение акцентуаций или сверхкачеств личности.

Еще одна классификация представлена тремя видами профессиональных деформаций. *Должностная деформация* чаще всего встречается у руководителей

или офицеров, в силу занимаемой должности наделенных властными полномочиями. *Адаптивная деформация* подразумевает беспрекословное принятие условий профессионального труда и моделей поведения, принятых в данной организации. Крайняя форма этого вида деформации – негативное изменение личностных характеристик, например, снижение эмпатии, повышение ригидности, выраженная жестокость. И *профессиональная деградация*, которая выражается в деформации нравственных ценностей, происходит распад профессиональной компетентности [17].

Итак, в результате длительного выполнения любой профессиональной деятельности происходит своеобразное развития личности, при этом немаловажную роль играют индивидуально-личностные характеристики и специфика профессии. Для представителей военных профессий наиболее характерны деформации, связанные с жесткой регламентацией межличностных отношений и большими командными полномочиями. Это может выражаться в злоупотреблении властью, несправедливом отношении к подчиненным, подавлении их активности и т.д.

По итогам анализа научной литературы выявлено отсутствие единой системы оценивания проявлений профессиональных деформаций. В ряде исследований предпринята попытка систематизации критериев проявлений профессиональных деформаций. Ряд авторов выделяют и описывают перечень признаков профессиональной деформации с помощью понятий «социальные отклонения» и «делинквентное поведение», т.е. использует критерий «нормы» и «отклонения от нормы». В работах С.П. Безносова и других авторов для классификации используются такие критерии, как: глубина и широта деформированности; устойчивость проявлений деформаций (временные / эпизодические или постоянные / устойчивые), скорость наступления деформации; уровень деформированности – частичное влияние, что затрагивает отдельные личностные характеристики, или полная деформация с изменением мировоззрения личности. Авторы оценивают влияние профессии на личность по ее модальности (позитивное или негативное влияние) [2 и др.].

Также нет единства среди исследователей при описании проявлений профессиональных деформаций. Одна из систематизаций проявлений профессиональных деформаций, представленная в работах С.П. Безносова кажется нам наиболее удобной. Все признаки автор условно разделяет на два класса. К первому классу он относит проявления профессиональных деформаций, которые имеют место в профессиональной сфере. Во второй класс он включает проявления, проявляющиеся в непрофессиональных сферах – в жизни, общении и т.д. [2].

Итак, под профессиональной деформацией личности нами принимается процесс и результат негативных трансформаций личности под влиянием специфической служебной деятельности, которые могут иметь различную степень выраженности и повлечь за собой снижение профессиональной компетентности. Проявления таких изменений будут отражаться в профессиональной деятельности, профессиональном поведении, способности к адаптации, а также в различных ситуациях общения в профессиональной и внепрофессиональной сферах [25; 26].

К негативным последствиям профессиональной деформации относят: перенос негативной проблематики на себя и на своих близких, излишний самоконтроль, гиперрефлексия и потеря спонтанности, пресыщение общением, эмоциональная холодность, цинизм и пр.

Наряду с этим, результатом профессиональной деформации личности могут выступать специфические установки и представления, появление определенных черт личности. Отрицательное влияние профессиональных стереотипов и установок

проявляются при их доминировании, что понижает аналитические способности, приводит к ригидности мышления и неспособности взглянуть на вещи с другой позиции. Профессиональные привычки, стиль мышления и общения и другие особенности личности переносятся вовне, создавая сложности и конфликтные ситуации при взаимодействии человека с другими людьми [11; 26].

Таким образом, виды профессиональных деформаций, критерии их оценивания, причины и признаки их проявлений по-разному представлены в научной литературе и их описание зависит от принятой авторами методологии изучения. Анализ представленных выше понятий позволяет нам сделать вывод, что для обозначения профессионально обусловленных изменений личности в литературе используются категории «*трансформации позитивной и негативной направленности*»; профессиональная «деформация личности»; «деформация профессиональной деятельности» и поведения. Ряд авторов используют категорию «профессиональная деформация»; другие – «*деструкция*», «*деструктивные изменения личности в процессе выполнения деятельности*», «*деструктивное развитие личности*».

Для характеристики проявлений профессиональной деформации личности используются разные основания. Профессиональные деформации могут быть нерегулярными, поверхностными, неустойчивыми, частичными и тогда правомерно говорить о тенденции к формированию профессиональной деформации на уровне установок. При устойчивых, длительных и глубоких проявлениях, приводящих к негативному изменению сложившейся структуры личности, ее деятельности и поведения, правомерно говорить о профессиональной деформации или деструкции личности.

Таким образом, результаты многих исследований показывают, что каждая профессия предъявляет к личности свои требования. В то же время сама профессиональная деятельность, имея большую значимость для человека, оказывает заметное влияние на его морально-нравственные нормы, ценностные ориентиры, жизненные установки и другие личностные качества. Особый интерес вызывает проблемы личностных трансформаций и деформаций, обусловленных профессиональной деятельностью, в т.ч. и военной.

Придерживаясь деятельностного подхода в нашем исследовании, под профессиональной деформацией личности военнослужащих нами принимается процесс и результат негативных трансформаций личности под влиянием специфической служебной деятельности, которые могут иметь различную степень выраженности и повлечь за собой снижение профессиональной компетентности. Проявления таких изменений будут отражаться в профессиональной деятельности, профессиональном поведении, а также в различных ситуациях общения в профессиональной и внепрофессиональной сферах.

Список литературы

1. Анциферова Л. И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. 1999. Т.20. N1. С. 16–19.
2. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности [Электронный ресурс] / URL: http://nashaucheba.ru/v34860/безносков_с.п._профессиональная_деформация_личности?page=3 (дата обращения 05.03.2018)
3. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. СПб.: Речь, 2010. 560 с.
4. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Акмеология. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
5. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Академический Проект, 2003. 336 с.

6. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы / Е. В. Змановская. СПб.: Питер, 2010. 352с.
7. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Издательство Московского Университета; Издательский центр «Академия», 2004. 336 с.
8. Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе. Новосибирск, 1990. 224 с.
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Электронный ресурс] / URL : <http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20иноязычных%20слов/~Д/13/> (дата обращения 10.03.2018)
10. Лагошина В. В., Шпехт М. В. Проблема девиантного поведения в военной педагогике // Гуманитарные проблемы военного дела. Военно-научный журнал. 2014. №1. С.189–191.
11. Маркова А. К. Психология профессионализма / Отв. ред. П.Д. Павлов. М.: ИНФРА-М, 2000. 395с.
12. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения [Электронный ресурс] / СПб.: Речь. 445 с. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F30994760/_Mendelevich.V.D._Psihologiya.deviantnogo.povedeniya.pdf
13. Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. История философии: Запад – Россия – Восток (книга четвертая: Философия XX в.). М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2003. 448 с.
14. Осипова А. А. Общая психокоррекция. М.: ТЦ Сфера, 2004. 512 с.
15. Подгурецки Ю., Шпехт М. В. Коммуникативные деформации в профессиональной деятельности военнослужащих: влияние алекситимии // Мир науки, культуры, образования. 2013. №5 (42). С. 231–232.
16. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2003.477 с.
17. Психология / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб.: 2009. 656 с.
18. Психология и педагогика. Военная психология / Под ред. А.Г. Маклакова. СПб.: Питер, 2005. 464 с.
19. Радионова С. В. Девиантное поведение как компенсаторное поведение при неуспешной социализации военнослужащих // Война и здоровье: боевой стресс. Сборник научных трудов под ред. И. Б. Ушакова, Ю. А. Бубеева. М., 2006. С. 265–268.
20. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти. СПб.: ПРАЙМ- ЕВРОЗНАК, 2002. 617 с.
21. Рогов Е. И. Психология общения. М.: ВЛАДОС, 2001. 336с.
22. Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемерова. М., 1998. 1064 с.
23. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
24. Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций. М.: Академический проект; Деловая книга, 2005. 240 с.
25. Шпехт М. В., Мацкевич И. К. Диагностика коммуникативных деформаций у военнослужащих // Инновационные методы диагностики в психологии, педагогике, психиатрии и педологии: материалы I Международной науч.-практич. Конференции (г. Новосибирск, 13-14 ноября 2014 г.); под ред. М. Г. Чухровой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 213–218.
26. Шпехт М. В. Особенности трансформации коммуникативных характеристик в процессе подготовки специалистов в военном вузе // Развитие человека в современном мире: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 15–17 апреля 2014 г.). Часть 2 / под ред. Н. Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 308–313.

УДК 159.9

Бирюкова Ольга Александровна

*магистрант 2 курса факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, olgazhuikova1993@gmail.com,
г. Новосибирск, Россия*

Кожемякина Ольга Александровна

канд. пед. наук, доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет – научный консультант

**ОСОБЕННОСТИ КОРРЕКЦИОННОЙ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ЗАДЕРЖКОЙ
ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Biryukova Olga Alexandrovna

*магистрант 2 курса факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, olgazhuikova1993@gmail.com,
г. Новосибирск, Россия*

**PECULIARITIES OF CORRECTIONAL PSYCHOLOGICAL
AND PEDAGOGICAL ASSISTANCE TO CHILDREN WITH
A DELAY OF MENTAL DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS
OF INCLUSIVE EDUCATION**

Аннотация: В статье проанализированы особенности работы психолога с детьми с задержкой психического развития в условиях инклюзивного образования. Рассмотрено понятие «инклюзивное обучение», его цель и особенности реализации. Особое внимание уделено одной из категорий детей с ограниченными возможностями здоровья: дети с задержкой психического развития. Перечислены трудности, с которыми такие дети могут столкнуться в условиях инклюзивного образования. Выделены основные особенности коррекционно-психологической помощи детям с задержкой психического развития, описано психолого-педагогическое сопровождение данной категории детей с ограниченными возможностями здоровья. На основе изучения специфики работы психолога с детьми с задержкой психического развития, установлены основные направления работы, такие как консультативная помощь педагогу и родителям; осуществление всей коррекционно-психологической работы в комплексе (привлечение помимо родителей и педагога, еще логопеда и дефектолога); разработка плана развития ребенка (целенаправленное формирование высших психических функций с учетом зоны ближайшего, а также актуального развития).

Ключевые слова: ограниченные возможности здоровья, задержка психического развития, инклюзивное образование, психологическое сопровождение, коррекционно-психологическая помощь.

Abstract. The article analyzes the features of the work of a psychologist with children with mental retardation in an inclusive education. The concept of "inclusive education", its purpose and features of implementation have been considered. Particular attention is paid to one of the categories of children with disabilities: children with mental retardation. The difficulties that such children may encounter in an inclusive education environment are listed. The main features of the correctional and psychological assistance to children with mental retardation are highlighted. The psychological and pedagogical support for this category of children with disabilities is described. Based on the study of the specifics of the work of a psychologist with children with mental retardation, the main areas of work have been established, such as counseling assistance to the teacher and parents; the implementation of all correctional and psychological work in the complex (involving not only parents and the teacher, but also a speech therapist and a pathologist); development of a child development plan (purposeful formation of higher mental functions, taking into account the zone of the nearest and current development).

Keywords: limited health opportunities, mental retardation, inclusive education, psychological support, correctional and psychological assistance.

Актуальность данной темы обусловлена неблагоприятной тенденцией к увеличению количества детей различных групп риска, наибольшую из них составляют дети с задержкой психического развития. В настоящее время в Российской Федерации интеграция является ведущим направлением при обучении и воспитании детей с различного рода отклонениями в развитии. Такие дети обучаются по специальным адаптированным для них образовательным программам, а также нуждаются в постоянной психологической поддержке.

Проблемы организации психологического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья рассматривали такие авторы как И.В. Дубровина, Ю.М. Забродин, Д.В. Лубовский, Е.И. Метелькова, Р.В. Овчарова и другие [цит. по 6, с. 28-32]. Однако на сегодняшний день отсутствует целостный и дифференцированный подход к психологическому сопровождению детей с задержкой психического развития, учитывающий вариативность трудностей развития школьников данной категории и причин, лежащих в их основе.

Инклюзивное обучение является одной из форм альтернативного обучения, базовыми принципами которого выступают ранняя коррекция и психологическая помощь каждому ребенку. Интеграция детей с ограниченными возможностями в учреждение для нормально развивающихся сверстников происходит с учетом уровня развития каждого ребенка. Успех развития инклюзивного образования зависит, в первую очередь, от правильно созданной психологом модели психолого-педагогического сопровождения и разработки для каждого ребенка с ограниченными возможностями здоровья индивидуальной адаптированной образовательной программы, где на каждой образовательной ступени должна быть оказана необходимая помощь специалистами учреждения. Главной целью инклюзии должна стать своевременная психологическая помощь ребенку на каждой ступени обучения, выявление индивидуальных положительных особенностей в каждом ученике с ограниченными возможностями здоровья, фиксация ближайшей зоны развития, а также определение перспективы совершенствования приобретенных навыков и умений, расширение возможностей ребенка [1].

Успешная реализация инклюзивного образования будет достигнута тогда, когда психологом будет решен ряд приоритетных задач. В первую очередь – это организация психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса, кото-

рая включает в себя различные виды деятельности: диагностика-консультативная, коррекционно-развивающая, лечебно-профилактическая, социально-трудовая. Необходимо учитывать индивидуальные особенности и потребности ребенка с ограниченными возможностями здоровья, развивать его личность. Не только работа с особым ребенком должна быть организована психологом, специалист должен также формировать положительное отношение у здоровых детей к людям с особенностями развития с помощью различных тренингов и внеурочных занятий [4].

На сегодняшний день самой многочисленной категорией детей с ограниченными возможностями здоровья являются дети с задержкой психического развития. Задержка психического развития (далее – ЗПР) – это нарушение нормального развития, при котором ребенок, достигший школьного возраста, продолжает оставаться в игровом виде деятельности, который является ведущим в дошкольном возрасте. Понятие «задержка» подчеркивает временный характер отставания, который с возрастом преодолевается успешнее, если раньше создаются адекватные условия обучения и развития детей данной категории [3]. Трудности, которые дети с ЗПР испытывают в школьном обучении в условиях инклюзивного образования обусловлены как недостатками в регуляционном компоненте психической деятельности (недостаточностью внимания, незрелостью мотивационной сферы, общей познавательной пассивностью и сниженным самоконтролем), так и в ее операциональном компоненте (сниженным уровнем развития отдельных психических процессов, моторными нарушениями, нарушениями работоспособности) [2]. Перечисленные выше характеристики не препятствуют освоению детьми общеобразовательных программ развития, но обуславливают необходимость определенной их адаптации к психофизическим особенностям ребенка.

При своевременном оказании системной коррекционной психолого-педагогической помощи упомянутые выше трудности имеют положительную тенденцию к полному их устранению, а также возможно частичное, а иногда и полное преодоление отклонений в развитии. Определение содержания коррекционной психолого-педагогической помощи детям с задержкой психического развития в первую очередь складывается из проведенного нами анализа нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность психолога. Изложенные в документах требования к профессиональной деятельности психолога можно представить как набор задач, которые являются обобщенными для всех категорий детей с ограниченными возможностями здоровья. В данной статье мы структурировали данные задачи таким образом, чтобы приоритетные направления деятельности психолога были применимы именно к детям с ЗПР.

В первую очередь психологу необходимо оказать консультативную помощь педагогу, не имеющему специального (дефектологического) образования, которая будет включать в себя информацию: об особенностях образовательных потребностей детей с ЗПР; выборе индивидуально-ориентированных методов и приемов работы с обучающимися; выделении признаков поведения ребенка с ЗПР, связанных с органическими или функциональными нарушениями деятельности центральной нервной системы (недомогание, слабость, быстро наступающее утомление или перевозбуждение); продемонстрировать педагогу приемы оказания дифференцированной помощи с учетом уровня сформированности саморегуляции школьника; помочь педагогу не допустить «выпадения» ученика из общего хода работы в классе за счет регулирования мотивированности и степени эмоциональной вовлеченности.

Помимо оказания консультативной помощи педагогу такая помощь необходима и родителям ребенка с ЗПР. Она должна содержать в себе разъяснение причин трудностей, необходимость постоянной эмоциональной поддержки, ознакомление с приемами снятия психоэмоционального напряжения. Кроме того, необходима помощь в обучении специальным приемам коммуникации, способствующим осмыслению и усвоению ребенком социально-приемлемых форм поведения; демонстрация приемов, облегчающих закрепление усвоенных знаний и умению использовать их в повседневной жизни.

Психолого-педагогическое сопровождение детей с ЗПР должно осуществляться в комплексе. Помимо привлечения родителей и совместной работы педагога и психолога должны осуществлять деятельность логопед и дефектолог. Основная помощь психолога заключается в осуществлении коррекционной и психологической поддержке, задачами которых являются контроль за развитием ребенка, успешность его обучения, решение проблем адаптации в среду здоровых сверстников.

Прежде всего психолог должен углубленно и всесторонне изучить ребенка с ЗПР, с помощью диагностических методик, чтобы наиболее точно составить план по развитию и помощи ребенку. Основное внимание психолога, должно уделяться целенаправленному формированию высших психических функций, обеспечению полноценного психологического базиса для развития мышления и речи. Реализацию данной задачи сможет обеспечить деятельность, направленная на коррекцию недостатков в двигательной сфере, развитие общей и мелкой моторики, формирование чувства ритма. Целенаправленное формирование психических функций будет заключаться в развитие сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности во взаимосвязи с развитием речи, развитие умственных способностей через овладение действиями замещения и наглядное моделирование в различных видах деятельности, развитие творческих способностей.

Формирование ведущих видов деятельности, их мотивационных, ориентировочно-операционных и регуляционных компонентов играет огромную роль для успешного психологического сопровождения. Эта задача будет осуществляться при целенаправленном формировании учебной деятельности, то есть развитию умений контролировать регулировать и оценивать результаты при выполнении заданий. Преодоление недостатков в речевом развитии, формирование коммуникативной деятельности является важным направлением деятельности психолога в работе с ребенком с ЗПР.

Таким образом, в связи с современной тенденцией на введение инклюзивного образования перед психологами становится ряд нерешенных вопросов. В первую очередь это отсутствие четкого и дифференцированного подхода к оказанию психологической и коррекционной помощи различным категориям детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования, ведь именно от этого и зависит успех инклюзии. В статье рассмотрены основные способы психологического сопровождения школьника с задержкой психического развития как одной из многочисленных категорий детей с ограниченными возможностями здоровья. Нами выделены были следующие перспективные направления этого вида деятельности. Прежде всего психологу необходимо оказать консультативную помощь педагогу у которого обучается ребенок с ЗПР. Следующим приоритетным шагом в работе должно стать сопровождение семьи ребенка. Важно объяснить родителям каким образом реагировать на трудности школьника, как оказать ему эмоциональную поддержку, объяснить особенности поведения ребенка в различных ситуациях.

Непосредственно психологическая помощь ребенку с ЗПР должна быть направлена на формирование высших психических функций, работу над актуальной и ближайшей зоной развития ребенка с ЗПР в условиях его ведущего вида деятельности [5]. Основное внимание психолог должен уделить развитию моторики, коммуникации, речи, учебной и эмоциональной сфере.

Список литературы

1. *Агавелян О. К., Агавелян Р. О.* Современные теоретические и прикладные аспекты специальной психологии и коррекционной педагогики. Новосибирск: НИП-КиПРО, 2014. 412 с.
2. *Диагностика* и коррекция задержки психического развития у детей: учебное пособие для студентов / под ред. С. Г. Шевченко. Москва: АРКТИ, 2011. 224 с.
3. *Защиринская, О. В.* Психология детей с задержкой психического развития: изучение, социализация, психокоррекция. СПб: Речь, 2013. 432 с.
4. *Кожмякина, О. А.* Эмпатия и межличностные взаимоотношения младших школьников с ограниченными возможностями здоровья // Развитие человека в современном мире: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 19–21 апреля 2016 г.): в 2 ч. / под ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой; Мин-во образования и науки РФ, Ново-сиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. Ч. 2. С. 183–190.
5. *Кожмякина О. А., Ярышева А. А.* Психокоррекция памяти у младших школьников с ОВЗ как условие интеграции в общество // Современная реальность в социально-психологическом контексте: сборник научных материалов / под редакцией О. А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой; Мин-во образования и науки РФ, Новосибир. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 122–127.
6. *Специальная психология: учебное пособие для педагогических вузов дефектологических факультетов* / под ред. В. И. Лубовского. Москва: Академия, 2017. 464 с.

References

1. *Agavelyan, O. K., Agavelyan R. O.* Sovremennyye teoreticheskiye i prikladnyye aspekty special'noj psihologii i korrekcionnoj pedagogiki : uchebnoye posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov. Novosibirsk: NIP-KiPRO, 2014. 412 p.
2. *Diagnostika i korrekciya zaderzhki psihicheskogo razvitiya u detej: uchebnoye posobie dlya studentov* / pod red. S. G. Shevchenko. Moskva: ARKTI, 2011. 224 p.
3. *Zashchirinskaya, O. V.* Psihologiya detej s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya: izuchenie, socializaciya, psihokorrekcija. SPb: Rech', 2013. 432 p.
4. *Kozhemyakina, O. A.* Ehmpatiya i mezhlichnostnyye vzaimootnosheniya mladshih shkol'nikov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // Razvitie cheloveka v sovremennom mire: materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Novosibirsk, 19–21 aprelya 2016 g.): v 2 ch. / pod red. N. YA. Bol'shunovoj, O. A. SHamshikovoj ; Min-vo obrazovaniya i nauki RF, Novo-sib. gos. ped. un-t. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2016. CH. 2. P. 183–190.
5. *Kozhemyakina O. A., Yarysheva A. A.* Psihokorrekcija pamyati u mladshih shkol'nikov s OVZ kak uslovie integracii v obshchestvo // Sovremennaya real'nost' v social'no-psihologicheskom kontekste: sbornik nauchnyh materialov / pod redakciej O. A. Belobrykinoj, M. I. Koshenovoj; Min-vo obrazovaniya i nauki RF, Novosib. gos. ped. un-t. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2018. P. 122–127.
6. *Special'naya psihologiya: uchebnoye posobie dlya pedagogicheskikh vuzov defektologicheskikh fakul'tetov* / pod red. V.I. Lubovskogo. Moskva: Akademiya, 2017. 464 p.

Требования к оформлению материалов

1. Формат страницы А4. Поля верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см; абзацный отступ 1,25. Шрифт TimesNewRoman; размер 14; интервал 1,25; выравнивание по ширине.

2. Каждая статья должна иметь УДК, размещаемый в левом верхнем углу.

3. После пропущенной строки прописными (заглавными) буквами печатается название статьи на русском языке, шрифт жирный, размер – 14, выравнивание по центру.

4. На следующей строке печатаются полностью фамилия, имя, отчество автора, шрифт жирный, размер шрифта – 14, выравнивание по центру.

5. На следующей строке указывается название организации, город, страна, шрифт жирный, размер – 14, выравнивание по центру. Если авторы работают в разных организациях, информация о них представляется поочередно.

6. После пропущенной строки прописными (заглавными) буквами печатается название статьи на английском языке.

7. На следующей строке – фамилия автора на английском. Далее – название организации, город и страна на английском языке, шрифт жирный, размер – 14, выравнивание по центру.

8. После пропущенной строки размещается структурированная аннотация (**Аннотация**): указывается проблема и цель исследования, методология, результаты исследования, заключение; объем аннотации 450-500 знаков и **ключевые слова** (5-7) на русском языке. Размер шрифта – 12.

9. На следующей строке размещается аннотация (**Abstract**) и ключевые слова на английском языке (**Keywords**). Размер шрифта – 12.

10. После пропущенной строки печатается текст публикации. Размер шрифта – 14; интервал – 1,25; тип – TimesNewRoman; выравнивание по ширине. Переносы и номера страниц не ставятся. Таблицы, рисунки и графики, вставляются как внешние объекты и входят в общий объем публикации.

11. В статьях методического характера указывается дисциплина и направление подготовки.

12. Библиографические ссылки в тексте указываются в квадрат. скобках, их список приводится в конце текста (по алфавиту); каждому номеру соответствует один источник. В случае цитирования страницы указываются рядом с номером источника, например «Текст цитаты...» [3, с. 32]. Использование подстрочных ссылок не допускается.

13. Список литературы и источников обязателен, должен включать не менее 5 источников, размещается после текста с пропуском в одну строку. Оформляется согласно ГОСТ 7.0.5-2008 (Общие требования см. <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511>).

14. После источников на русском языке (пропуск в одну строку), в той же последовательности, что и на русском языке размещается References – латинизированный список литературы.

15. Поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование, после чего автору сообщается решение. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

16. Статьи публикуются в авторской редакции. В случае необходимости редакция оставляет за собой право вносить в материалы незначительные изменения, при условии, что это не приведет к искажению их смысла. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

17. Отправляя в редакцию текст статьи, автор принимает на себя обязательство, что в нем содержатся достоверные научные сведения, представляющие собой его авторский материал.

18. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя (отзыв высылается одновременно со статьей). Статьи должны иметь информацию о научном руководителе, с указанием его ФИО (полностью), ученой степени, должности и места работы.

19. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 80% (проверяется весь текст статьи, за исключением библиографического списка).

На отдельной (последней) странице размещаются сведения об авторе/авторах:

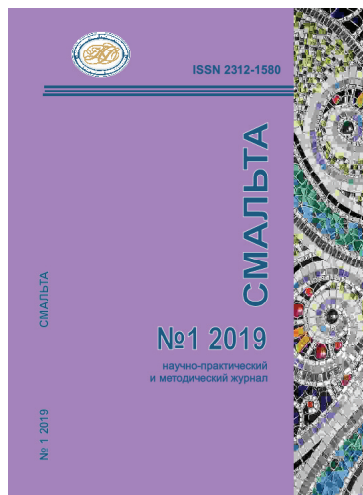
- фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке):
- ученая степень, звание (на русском и английском языке):
- место работы (на русском и английском языке):
- занимаемая должность (на русском и английском языке):
- место учебы (магистрантов, аспирантов, соискателей, на русском и английском языке):
- почтовый адрес с индексом (в случае необходимости пересылки журнала):
- контактный телефон, e-mail:
- научный руководитель (для магистрантов, аспирантов, соискателей, на русском и английском языке): фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание; место работы, занимаемая должность, e-mail:

Если авторов несколько – сведения оформляются отдельно на каждого. Сведения об авторах не учитываются при подсчете количества страниц.

Материалы высылаются на e-mail: smalta.journal@gmail.com

Объем представляемого к публикации материала может составлять от 10 до 20 стр. Материалы статей должны быть тщательно отредактированы и подготовлены в MicrosoftWord. Допускается архивация с помощью RAR или ZIP. Название файла должно соответствовать фамилии и инициалам первого автора (напр.: Бугрова_НВ или Bugrova_NV).

О журнале

Международный научно-практический и методический журнал «СМАЛЬТА» публикует научные статьи, практические и методические разработки по социально-гуманитарным дисциплинам и приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Тематика журнала охватывает спектр проблем психологии, педагогики и философии. Периодичность выпуска – 4 раз в год.

Содержание включает следующие рубрики:

- научные исследования
- инновационные практические разработки
- рецензии
- в помощь педагогу и преподавателю
- публикации начинающих исследователей

Главный редактор – О. О. Андронникова, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, профессор кафедры практической и специальной психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.